РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 13. 27-го Марта 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА":
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к | Безъ достав и въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—**1** р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—**1** р.

Съ настоящаго № 13-го прекращается высылка

изданія «РОДИНА» тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые выслали только по **ДВА** рубля. Высылка прекращенныхъ номеровъ **БУДЕТЪ ВОЗОБНОВЛЕНА** немедленно по полученіи доплатныхъ денегъ, при высылкѣ которыхъ необходимо **ПРИЛАГАТЬ АДРЕСЪ**, который наклеивается на оболочку журнала.

ВЪ МАНЧЖУРІИ. НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ ВЪ ОЖИДАНІИ НАПАДЕНІЯ. Оригъ. рис. **М. Андреева.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Салiаса.

(Продолженіе.)

XXVIII.

АПЕРСНИКЪ князя, Евсѣичъ, былъ въ духѣ, его радовала предстоящая возможность поживиться, нажить приличный кушъ на продажѣ Файки. Евсѣичъ считалъ молодую дѣвушку самой красивой изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда-либо перебывали въ домѣ. Одно время онъ опасался, что это — послѣдняя фаворитка князя, что болѣе не придется покупать и продавать и источникъ вѣрнаго дохода прекратится. Евсѣичъ предполагалъ, что сильно постарѣвшій въ послѣднее время князь Андрей Григорьевичъ перестанетъ чудить и, кромѣ того, имѣя въ лицѣ Файки красавицу, не захочетъ мѣнять ее.

Однако, вскорѣ оказалось, что онъ ошибся, и, конечно, былъ обрадованъ, узнавъ, что князь снова нашелъ на улицахъ Москвы какую-то степную дѣвку и почти поломойку, которая прельстила его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытный въ своемъ дѣлѣ Евсѣичъ ясно видѣлъ, что на такой красивой, какъ Файка, при ея продажѣ можно нажить болѣе, чѣмъ когда-либо, конечно, снова обманувъ князя.

Когда онъ объявилъ дѣвушкѣ о томъ, что князь приказалъ продать ее, Файка была настолько поражена и пришла въ такой ужасъ, что Евсѣичъ даже не могъ понять причину. Вѣдь, не привязанность-же къ старому князю заставляетъ ее такъ отнестись къ этому? Хитроумному старику и на умъ не приходило, что есть нѣкто другой въ домѣ, съ которымъ Файка не хочетъ разлучаться.

Несмотря на увѣренія и обѣщанія его Файкѣ, что она попадетъ въ руки къ человѣку доброму, хорошему, а можетъ быть, и гораздо болѣе молодому, чѣмъ князь, Файка была въ полномъ отчаяніи.

Евсѣичъ при своихъ помощникахъ очень быстро нашелъ въ Москвѣ трехъ покупателей, которымъ можно было сбыть красивую дѣвушку очень выгодно, въ особенности одному, временно гостившему въ Москвѣ, не очень старому, но замѣчательно тучному бригадиру, командиру пандурскаго полка, стоявшаго въ Малороссіи. Послѣ предложенія купить, какъ всегда, слѣдовало вести продаваемую на смотръ. Иногда приходилось Евсѣичу водить предлагаемую дѣвушку и не разъ, а два-три раза на смотръ прихотливому покупателю, который желалъ вполнѣ удостовѣриться, каковъ нравъ, какой характеръ у покупаемой имъ.

Между тѣмъ, теперь вести къ кому-либо на смотръ Файку не было никакой возможности. Дѣвушка отъ зари до зари плакала, притомъ и нравственно была настолько потрясена, что сильно подурнѣла въ это время, да, кромѣ того, казалась какой-то странной.

— Чисто полоумная какая-то,—ворчалъ Евсѣичъ,— а лицо-то такъ разбухло, что куда и красота ея дѣвалась.

И дѣйствительно, у красивой Файки были теперь красноватое, вздутое лицо, красные глаза, которые казались маленькими отъ сильно опухшихъ вѣкъ. Кромѣ того, и взглядъ былъ дѣйствительно дикій, будто испуганный, голосъ хриплый и вся она, вообще, по выраженію Евсѣича, была „не въ себѣ“.

Конечно, въ дѣлѣ продажи спѣха особеннаго не было, если-бы не самъ князь, который желалъ, чтобы вновь встрѣченная имъ Малашка скорѣе появилась въ домѣ и заняла комнату Файки. Почти всякій день онъ спрашивалъ Евсѣича:

— Ну, что-же? Когда-же?

Разумѣется, повѣренный не говорилъ правды, не объяснялъ, что Файку нельзя куда-либо вести въ томъ видѣ, въ которомъ находится она съ той минуты, какъ узнала о продажѣ ея. Евсѣичъ объяснялъ, что дворянинъ Измайловъ ломается — то продаетъ, то не продаетъ. Видя нетерпѣніе князя, онъ говорилъ, что Измайловъ надбавляетъ цѣну. Князь соглашался. И, пока краснолицую отъ слезъ Файку нельзя было никому показать, Малашка росла въ цѣнѣ.

Вскорѣ, однако, Файка устала и плакать. Евсѣичъ уговорилъ ее умываться по нѣсколько разъ въ день огуречной настойкой, обѣщая ей, что она попадетъ въ руки чрезвычайно добраго и красиваго барина, офицера, который страшно богатъ, одинокій, можетъ, сильно полюбитъ ее и она — кто знаетъ — вдругъ сдѣлается современемъ офицершей.

Наконецъ, Евсѣичъ собрался вмѣстѣ съ Файкой идти къ покупателю-бригадиру. Онъ предвидѣлъ, въ какой ужасъ придетъ дѣвушка, увидя бригадира огромнаго роста и страшной толщины, причемъ, вдобавокъ, съ лицомъ круглымъ, заплывшимъ жиромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сильно рябоватымъ отъ оспы. Впрочемъ, главное дѣло было, конечно, въ желаніи бригадира купить дѣвушку, а не въ ея личномъ согласіи.

Наканунѣ предполагаемой поѣздки къ бригадиру Евсѣичъ былъ вызванъ посланнымъ отъ доктора Зонста.

Чистокровный нѣмецъ, съ молодости жившій въ Россіи и хорошо говорившій по-русски, былъ постояннымъ докторомъ въ домѣ князя.

Евсѣичъ, недоумѣвая отчасти, зачѣмъ докторъ его вызываетъ, тотчасъ-же отправился. Зонстъ встрѣтилъ его крайне любезно и прежде всего попросилъ садиться. Несмотря на то, что Евсѣичъ всячески отказывался, говоря, что онъ — человѣкъ простой, дворовый князя, бывшій крѣпостной, хотя нынѣ и вольноотпущенный, Зонстъ все-таки заставилъ его сѣсть.

— У меня къ тебѣ важнѣйшее дѣло, которое ты долженъ мнѣ устроить, — объяснилъ Зонстъ. — Я узналъ стороной, что ты — самое близкое, довѣренное лицо князя Андрея Григорьевича и что въ моемъ дѣлѣ лучше всего обратиться прямо къ тебѣ. Коли ты мнѣ все дѣло уладишь, то можешь расчитывать на полученіе двадцати, а то и болѣе рублей за хлопоты.

И, къ своему величайшему изумленію, Евсѣичъ узналъ нѣчто, что его поразило.

Зонстъ объяснилъ, что прослышалъ о продажѣ дѣвушки Файки и что по разному стеченію обстоятельствъ онъ желалъ-бы ее купить. При этомъ онъ объяснилъ, что такъ какъ онъ не русскій и не имѣетъ права владѣть крѣпостными, то дѣвушка будетъ куплена его хорошимъ пріятелемъ на свое имя, но, собственно, перейдетъ на жительство къ нему.

Евсѣичъ при этомъ извѣстіи остолбенѣлъ. Дѣло, которое онъ обдумалъ со всѣхъ сторонъ, должно было пойти прахомъ. Нѣмецъ, по наивности своей, вообразилъ, что двадцать рублей—для Евсѣича огромныя деньги, а тотъ собирался нажить на Файкѣ крупную сумму. Постепенно придя въ себя отъ поразившаго его заявленія нѣмца, Евсѣичъ началъ объяснять Зонсту, что его предложеніе — совершенно невозможная затѣя. На вопросъ доктора, въ чемъ затрудненіе, Евсѣичъ, конечно, ничего сразу придумать не могъ. Онъ объяснилъ, что проситъ подумать, потомъ, если

возможно, скажетъ объ этомъ самому князю и затѣмъ дастъ ему отвѣтъ. Зонстъ согласился, но просилъ, однако, очень не тянуть, такъ какъ у него въ виду есть и другія предложенія купить.

Евсѣичъ вернулся домой и удрученный, и озлобленный. Въ кои-то вѣки разъ приходилось продавать красавицу-дѣвушку и нажить сразу крупныя деньги и тутъ, какъ на смѣхъ, являлся покупатель, знакомый князя. Между ними, конечно, если не тотчасъ-же, то современемъ зайдетъ рѣчь о переходѣ дѣвушки отъ одного къ другому и станетъ извѣстна сумма, за которую она была продана и куплена — надуть нельзя.

Разумѣется, Евсѣичъ рѣшилъ ни слова не говорить князю, потому что тотъ былъ-бы крайне обрадованъ поскорѣе избавиться отъ дѣвушки, которая всячески мѣшала ему и которую, вдобавокъ, княгиня еще разъ просила оставить и сдѣлать помощницей Лисафы.

„А, можетъ быть, нѣмецъ вдругъ зря эдакое надумалъ, поболтаетъ, да обратно затѣю дурашную?“

Евсѣичъ ошибался вполнѣ — намѣреніе Зонста было не затѣей, не прихотью. Онъ давно уже замѣтилъ дѣвушку въ домѣ князя и давно былъ къ ней неравнодушенъ, былъ просто влюбленъ, насколько только могъ.

Причина была особая и серьезная. Бѣлокурая и голубоглазая Файка была вылитымъ портретомъ юной саксонки, которая, лѣтъ тридцать назадъ, была невѣстой Зонста и скончалась предъ свадьбой.

Нѣмецъ любилъ въ Файкѣ покойную Розу, которой было-бы теперь уже подъ пятьдесятъ лѣтъ.

Однако, Евсѣичъ былъ „тертый калачъ“. Прошло нѣсколько дней, и онъ обдумалъ довольно хитрый планъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ покупателя-нѣмца и продать Файку кому-нибудь совершенно незнакомому князю.

Но однажды утромъ, явившись къ князю съ обычнымъ докладомъ, Евсѣичъ узналъ, что князь наканунѣ видѣлся съ докторомъ Зонстомъ у кого-то въ гостяхъ и впервые въ жизни самъ обдѣлалъ то дѣло, которое всегда поручалось Евсѣичу, т. е., продалъ Файку и даже получилъ деньги. Продалъ, конечно, за грошъ. Да дѣло было не въ деньгахъ, — главное поскорѣе развязаться съ Файкой, да и жену успокоить, чтобы та всякія свои бредни оставила.

Князь объяснилъ, что продалъ Зонсту дѣвушку за пятьдесятъ рублей.

Евсѣичъ настолько обозлился при этомъ извѣстіи, что не могъ сдержаться и сталъ доказывать князю, что онъ поступилъ неправильно, взялъ на себя совсѣмъ не княжеское и даже не дворянское дѣло, что это совсѣмъ ему не къ лицу и зазорно предъ людьми.

Кончилось тѣмъ, что князь, выслушавъ рѣчь Евсѣича, вдругъ выговорилъ:

— Да что ты, ошалѣлъ, что-ли? бѣлены объѣлся? Да какъ ты смѣешь, старая подошва, такъ со мной разговаривать? Вонъ пошелъ!

Евсѣичъ выслушалъ попрекъ и, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Придя въ себя отъ озлобленія, что однимъ махомъ потерялъ кушъ, онъ рѣшилъ, что въ качествѣ вольноотпущеннаго непремѣнно уйдетъ отъ князя.

Однако, старикъ понемногу успокоился и придумалъ такой планъ. Онъ рѣшилъ объяснить князю, что обиженъ его дѣйствіями, обиженъ тѣмъ, что князь самъ вступился въ дѣло по недовѣрію къ нему и что поэтому онъ проситъ его уволить со службы.

„Такъ ему и скажу, какъ желаетъ, что-либо одно,— рѣшилъ Евсѣичъ, разсуждая самъ съ собой: — или пускай откажетъ Зонсту и возвратитъ ему полученныя деньги, а мнѣ предоставитъ продать Файку, кому я хочу, или, ежели не хочетъ, пускай беретъ другого довѣреннаго, а меня отпускаетъ.

XXIX.

На другой день, когда старикъ явился къ князю со своимъ рѣшительнымъ предложеніемъ выбирать одно изъ двухъ, князь былъ пораженъ и совсѣмъ потерялся. Онъ всегда зналъ, а теперь вѣрилъ болѣе чѣмъ когда-либо, что Евсѣичъ ему человѣкъ болѣе чѣмъ необходимый, что другого такого не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи не сыщешь. Только два главныхъ дѣла и были у князя: разныя орудованія съ деньгами, которыя теперь отъ опекаемой Мариночки еще болѣе усилились и участились, и, съ другой стороны, купля и продажа прелестницъ. Двухъ разныхъ людей для двухъ разныхъ дѣлъ можно будетъ съ трудомъ найти, а найти одного человѣка на оба дѣла, притомъ такого скромнаго и искуснаго, какъ Евсѣичъ, было положительно невозможно. Да, наконецъ, являлась и долголѣтняя привычка.

Князь опѣшилъ послѣ объясненія своего довѣреннаго такъ-же, какъ иногда случалось опѣшить отъ расходившейся не въ мѣру супруги, или предъ требовательнымъ кредиторомъ, грозившимъ шумомъ и срамомъ на всю Москву.

— Богъ съ тобой, Евсѣичъ! что ты! — чуть не взмолился князь, — я тебя обижать не хотѣлъ.

— Нѣтъ, обидѣли, обидѣли!—воскликнулъ Евсѣичъ.

— Толкомъ тебѣ говорятъ, и въ умѣ не было. Будь по-твоему, чертъ съ ними — и съ нѣмцемъ, и съ Файкой! Дѣлай, какъ знаешь, свези ему его деньги обратно и скажи, что я ошибся... или скажи такъ, что я ничего не знаю, въ дѣло это не вмѣшиваюсь. Придумай что-нибудь.

— Если позволите, — заговорилъ Евсѣичъ, уже радостный, — то я въ одинъ мигъ все устрою, и очень просто: скажу ему, что вамъ было неизвѣстно, что я Файку еще за два дня тому уже продалъ, деньги получилъ и запись сдѣлана, какъ сказывается, купчая, а она предъ закономъ силу свою имѣетъ. Такъ что ни вы, ни я, ни самъ онъ ничего сдѣлать не можемъ.

— Ну, вотъ и отлично. Продавай, кому хочешь, и вышиби изъ головы всякія глупости, что я тебя обидѣть хотѣлъ.

И князь, довольный, что все благополучно устроилось, потрепалъ любимца по плечу, потомъ положилъ руку ему на голову и потормошилъ.

— Глупая голова, что придумалъ! Мы съ тобой вовѣкъ не разстанемся, покуда живы. Стану я изъ-за какого-то нѣмца или изъ-за какой-то дѣвки съ тобой ссориться!

Разумѣется, радостный Евсѣичъ тотчасъ-же не поѣхалъ, а поскакалъ къ Зонсту.

Нѣмецъ, выслушавъ все, что якобы приказалъ сказать ему князь, былъ настолько пораженъ и сталъ такъ грустенъ, что Евсѣичъ удивился и внутренне смѣялся.

„Знаю я одного, — думалось ему, — бабьяго угодника, какихъ нѣту, моего князя, ну, а все-таки его при какой незадачѣ я такимъ никогда не видѣлъ. Вѣдь, ты чуть не плачешь“.

Когда Евсѣичъ отдалъ нѣмцу деньги и сталъ собираться, то Зонстъ ухватился за него обѣми руками и сталъ удерживать. А затѣмъ онъ сталъ просить и умолять устроить разстроившееся дѣло.

— Ничего, сударь, сдѣлать нельзя, — отвѣтилъ

Евсѣичъ,—говорю я вамъ, что она продана. Эдакія дѣла, какія бываютъ у князя, всегда я веду и я-же эту самую дѣвушку Фаину продалъ два дня тому назадъ. И запись, какая слѣдуетъ, совершена.

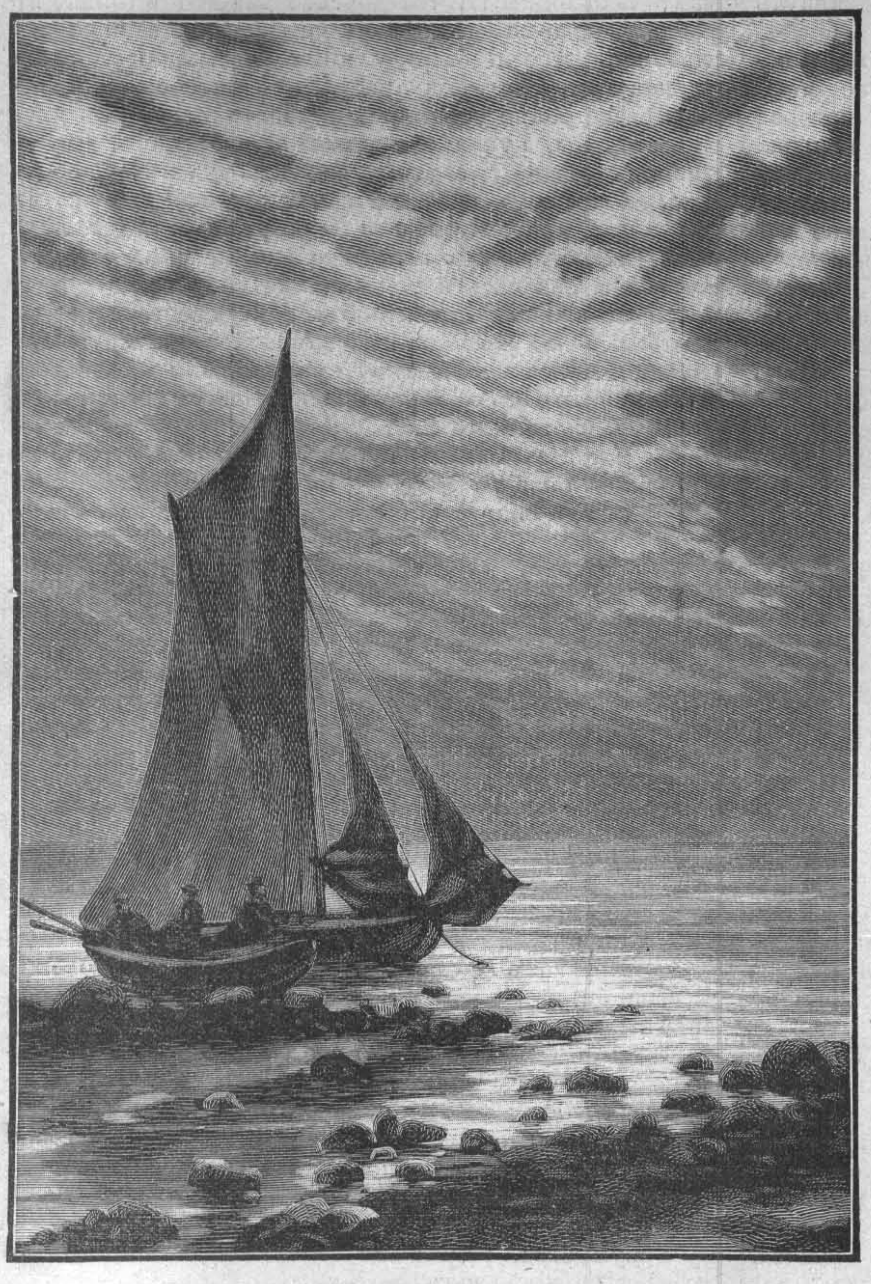
— Кому продалъ?—спросилъ Зонстъ.

— Офицеру бригадиру,—солгалъ Евсѣичъ.

— Купите обратно,—перешелъ Зонстъ съ „ты“ на „вы“.

— Какъ можно, помилуйте!

— Можно, можно! купите, ради Создателя! Я на все пойду, на какія хотите деньги. Вы не знаете, вы



ЛУННАЯ НОЧЬ НА МОРѢ. Съ акварели де Біонъ гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

не можете знать, въ чемъ тутъ самая главная причина.

Въ голосѣ доктора была такая печаль, что Евсѣичъ сталъ втупикъ.

„Вѣдь, прямо чуть не плачетъ“,—думалось ему.

Но слова нѣмца „на все пойду“ немножко озадачили Евсѣича.

„На что на все?—думалъ онъ.—Дай попробую“.

— Конечно,—заговорилъ онъ,—коли продать было можно, то, пожалуй, и опять купить можно. Только бѣда, тутъ вся сила въ деньгахъ, а ухищреніями ничего не сдѣлаешь. Этотъ самый господинъ бригадиръ—человѣкъ небогатый. Почемъ знать, можетъ, на деньги и польстится. Да, вѣдь, сколько онъ запроситъ и сколько вы можете дать, я тоже не знаю.

— Что хотите, что онъ скажетъ, то и дамъ,—рѣшительно и даже рѣзко произнесъ Зонстъ.

— Прекрасно-съ! Извольте мнѣ сказать, что я могу бригадиру предложить, и сегодня-же ввечеру я могу дать вамъ отвѣтъ. Пойду я сейчасъ-же. Если дѣло благополучно покончится, то завтра утромъ Файка можетъ быть и у васъ, тѣмъ паче, что она еще находится въ домѣ князя и къ бригадиру не переѣзжала.

— За сколько вы ее продали?

— За двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Что?—протянулъ нѣмецъ.—Какъ можно!

— Такъ точно. Вѣдь, она, изволите видѣть, прямо красавица-дѣвица. Таковымъ въ Москвѣ цѣна четыреста и пятьсотъ рублей. Вы ея не видѣли или мало видѣли, потому вамъ кажется оно удивительнымъ, а приглядитесь къ ней, какъ слѣдуетъ, вы увидите сами, какая ей цѣна.

— Охъ! Что вы? Видѣлъ, видѣлъ... много разъ видѣлъ, давно видѣлъ,—какъ-то грустно, махая руками, проговорилъ Зонстъ.—Вы не понимаете,—продолжалъ онъ,—вы ничего не знаете. Вы думаете, я вотъ такъ зря, невѣдомо зачѣмъ хочу покупать ее? Мало-ли дѣвушекъ въ Москвѣ, которыхъ господа продаютъ, посмотрите газету, увидите—всякій день объявляется, да и цѣнято какія... десять-пятнадцать рублей. Да я такихъ сотню не возьму за одну Фаину. Я ее давно знаю, почти съ первыхъ дней, какъ она зажила у васъ въ домѣ, я ее замѣтилъ и все надѣялся на то, что она князю надоѣстъ и можетъ попасть ко мнѣ. И вотъ вдругъ эдакое дѣло!

— Какъ вамъ угодно,—заявилъ Евсѣичъ,—а только что врядъ-ли она вамъ достанется, потому что господинъ бригадиръ если и захочетъ ее опять продать, то ужъ, конечно, съ барышомъ, да и большимъ. Стало быть, надо считать, по крайней мѣрѣ, триста рублей.

Зонстъ поглядѣлъ на собесѣдника и началъ качать головой.

— Ну-съ, простите, мнѣ не время,—поднялся Евсѣичъ.

— Куда?—почти съ испугомъ произнесъ нѣмецъ.

— Не время-съ, надо по дѣлу. Да и надо тоже приказать Фаинѣ собираться: пожалуй, сегодня-же ввечеру придется ее и вести къ господину бригадиру.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Какъ можно?—закричалъ, почти завопилъ Зонстъ.—Никогда! Поѣзжайте прямо къ нему и спросите, сколько онъ хочетъ... къ этому... какъ вы его зовете... ну, къ бригадиру. Отъ него пріѣзжайте ко мнѣ. Если есть возможность, то я сейчасъ-же дамъ свое согласіе. Вы ему отвезете деньги, составите опять другую бумагу, только не на мое имя, а на имя моего пріятеля русскаго.

Евсѣичъ уѣхалъ отъ нѣмца и, ѣдучи домой, думалъ и говорилъ самъ себѣ то, что часто говорила себѣ Лисафа.

„Ума-то у меня хоть отбавляй. Ловкій я, словъ

нѣтъ, почитай, ловчѣе искусника во всей Москвѣ не найдешь“.

И, на основаніи пословицы „куй желѣзо, пока горячо“, искусникъ въ тотъ-же вечеръ послѣ своего ужина явился къ Зонсту и объявилъ ему, что все обстоитъ благополучно: бригадиръ рѣшается продать вновь купленную красавицу за триста двадцать пять рублей.

Евсѣичъ боялся, что эта сумма, хотя уже рѣшенная, кромѣ двадцати пяти рублей лишнихъ, заставитъ нѣмца снова призадуматься, начать охать и, пожалуй, даже заставитъ его идти на попятный дворъ, — но черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже попрекалъ себя:

„Дура ты дура! Должно быть, промахнулся!“

Дѣйствительно, Зонстъ еще поутру приходившій въ ужасъ отъ цѣны, теперь съ радостью согласился. Онъ былъ настолько доволенъ и даже счастливъ, что хитрому Евсѣичу стало ясно.

„Нѣмецъ-бы и пятьсотъ рублей далъ. Тетеря ты, тетеря! — попрекалъ онъ себя. И жадному старику тотчасъ пришло на умъ:—Нельзя-ли самому опять на попятный дворъ? выдумать какое-либо замѣшательство, какую-нибудь помѣху и начать съ нѣмцемъ снова торгъ?.. добиться отъ него пятисотъ рублей?..“

Вообще, онъ рѣшилъ дѣйствовать такъ, какъ онъ всегда дѣлалъ съ княземъ — тянуть да оттягивать, да подзадоривать, а главное — подзадоривать. Подзадориваніе Евсѣича заключалось въ томъ, что, послѣ того какъ онъ объявилъ дѣло покончennымъ и видѣлъ князя совершенно довольнымъ, черезъ нѣсколько времени, иногда черезъ нѣсколько часовъ, онъ снова являлся и заявлялъ, что все дѣло пропало.

Съ княземъ это всегда удавалось, но, удастся-ли подобное съ нѣмцемъ, Евсѣичъ, конечно, не зналъ.

„Какъ нѣмцы въ эдакихъ дѣлахъ поступаютъ, чертъ ихъ знаетъ! Русскій человѣкъ вѣдомо, какой человѣкъ, а, каковъ нѣмецъ, одинъ чертъ знаетъ... Вдругъ онъ откажется, скажетъ, что и триста двадцать пять рублей дорого?“

Вернувшись домой, Евсѣичъ подумалъ и рѣшилъ, что отъ добра добра не ищутъ: пускай триста двадцать пять рублей,— нажива-таки огромная.

Между тѣмъ, дѣло обстояло вполнѣ правильно. Если когда-либо князь узнаетъ отъ Зонста, за какую сумму онъ купилъ вторично Файку, то Евсѣичъ сознается, что когда-то, дѣйствительно, Файка была уже продана бригадиру и переуступлена имъ самимъ за громадную сумму тому-же доктору Зонсту. Имѣя довѣренность отъ князя, да и извѣстный многимъ приказнымъ давнымъ-давно въ качествѣ вполнѣ довѣреннаго лица князя Ягузинскаго, Евсѣичъ могъ, дѣйствительно, продать крѣпостного человѣка князя и совершить купчую.

XXX.

Разумѣется, Лисафа выпытала у барыни тайну, которую князь повѣдалъ женѣ, прося не сказывать ни единому человѣку. Княгиня не могла ничего утаить отъ своей любимицы.

Лисафа была поражена. Все зданіе ея рукъ, которое она возводила и ужъ наивно считала оконченнымъ, вдругъ рухнуло.

Энергичная женщина упала духомъ, но не надолго; черезъ дня два, послѣ всяческаго думанья, она уже надумала нѣчто.

Надо было дѣйствовать издалека. Надо было какъ-либо погубить въ глазахъ князя и княгини Анну Тихоновну, а съ ней и ея сына.

Хитрая Лисафа додумалась до адскаго плана.

Она обдумала этотъ планъ во всѣхъ подробностяхъ, но остановилась лишь на одномъ: какъ выгородить себя самое, чтобы во всемъ, что можетъ приключиться, она не могла быть никакъ замѣшана, а оставалась совершенно въ сторонѣ.

НОЧЬ. Съ картины **Р. Бейшлага** гравировалъ для „Родины“ **И. Юревичъ**.

У Михаила Михайловича Башкирова была такая куча знакомыхъ въ Москвѣ, что въ числѣ ихъ, конечно, можно было найти кого-нибудь болѣе или менѣе смышленнаго, который за приличное вознагражденіе согласился-бы сдѣлаться дѣйствующимъ лицомъ.

Башкировъ рекомендовалъ женѣ нѣсколькихъ лицъ,

но Лисафа не соглашалась. Она требовала непремѣнно не мужчину, а женщину, и не иначе какъ старуху, при этомъ такую, которая-бы собиралась выѣхать изъ Москвы вскорѣ или которую можно было-бы услать изъ Москвы.

— Какъ-же такъ? — спрашивалъ Башировъ,—нуженъ тебѣ человѣкъ на какое-то твое дѣло, а при этомъ нужно, чтобы этотъ человѣкъ изъ Москвы выѣхалъ?

— Не твое все это дѣло, — сердилась Лисафа, но ничего не объясняла.

Наконецъ, однажды Башировъ объявилъ женѣ, что нашелъ, или, вѣрнѣе, вспомнилъ о существованіи восьмидесятилѣтней старухи, очень умной и притомъ очень странной.

— Что это за человѣкъ, Лисафушка, никто ее никогда разобрать не можетъ, а розсказенъ про нее много. Говорили разъ, что будто она въ тридцать лѣтъ отъ роду кого-то прирѣзала, не то брата, не то мужа. Вообще слухи о ней самые нехорошіе. Но зато ее можно закупить и она тебѣ сдѣлаетъ, что хочешь: опоитъ кого зельемъ, опоитъ, только заплати. Коли не боишься эдакой, такъ и посылай за ней.

— Нѣтъ ужъ, посылать-то я не буду! Я — не такая дура, какъ ты думаешь, я сама побываю у нея.

И черезъ день Лисафа отправилась по мѣсту жительства старухи, по имени Авдотьи Козюли, и разыскала ее.

Козюля оказалась въ слободкѣ у Калужской заставы и жила въ какой-то семьѣ, нанимая маленькій чуланчикъ.

Умная Лисафа черезъ нѣсколько минутъ бесѣды съ новой знакомой, маленькой сморщенной старушенціей, уже почувствовала, что она имѣетъ дѣло, дѣйствительно, съ такой женщиной, которая не безъ грѣха на душѣ. Одно выраженіе сморщеннаго лица, злое и ехидное, уже многое говорило.

„Чистая вѣдьма или-же самая страшная колдунья“,— такъ рѣшила про себя Лисафа.

И, не нисколько стѣсняясь съ новой знакомой, Лисафа стала объясняться:

— Захочешь-ли ты, Авдотьюшка, самое глупое дѣло справить и за это получить, конечно, благодарность? А какую, сама скажешь, и благодарность эту получай хоть впредь.

— Чего изволишь? — прошамкала старуха.

— Знаешь-ли ты въ Москвѣ какую не то что ворожею, а колдовательницу? Есть, которыя прозываются знахарками, а сами только колдуютъ. Знаешь-ли ты такую?

— Знаю. Ну, что, собственно, тебѣ нужно?

— А ты вотъ скажи, знаешь-ли такую?

— Говорю-же, что знаю, и хорошо знаю... такъ-же, какъ себя самое. Но, какое твое дѣло, все-таки мнѣ нужно знать непремѣнно.

— Изволь. Дѣло самое простое. Слушай! — начала Лисафа. — Нужно мнѣ, чтобы эта самая колдовательница спознакомилась сама, а какимъ способомъ, это ея дѣло, всякими ухищреніями... чтобы она познакомилась съ однимъ семействомъ, которое я назову и мѣсто жительства дамъ. Слыхала-ли ты, что есть въ Москвѣ всѣмъ знатный князь Ягузинскій? Живетъ онъ въ своихъ палатахъ недалече отъ Знаменскаго монастыря.

— Ягузинскіе? Слыхала, — отозвалась старуха. — Какъ не слыхать? Я всю жизнь въ Москвѣ недаромъ прожила, все знаю. Да и больше скажу, у этихъ самыхъ Ягузинскихъ проживаетъ мой хорошій знакомый, Михаилъ Михайловичъ Башировъ.

(Продолженіе будетъ.)

Покаяніе.

Тяжки мои, о, Боже, прегрѣшенья,
Моимъ неправдамъ — нѣтъ числа...
Осилили меня вражда, сомнѣнья,
Покрыла гибельная мгла...

* *
*

Но я, сознавъ мои всѣ злодѣянья,
Взываю къ благости Твоей:
Прости меня... дай слезы покаянья,
Дай миръ и свѣтъ душѣ моей!

* *
*

Будь въ жизни мнѣ Помощникъ и опора;
Мой умъ и сердце, и пути
Отъ бездны золъ, грѣховнаго простора
Къ добру и правдѣ обрати!

Евг. Богославскій.

Суворовскій музей-памятехранилище въ С.-Петербургѣ.

(Съ рисунками на стран. 409 этого номера.)

(Окончаніе.)

Наконецъ, силъ не хватило... среди солдатъ и даже офицеровъ начался ропотъ...

— Старикъ нашъ совсѣмъ изъ ума выжилъ!—не стѣсняясь присутствіемъ самого фельдмаршала, ѣхавшаго рядомъ съ ропщущими, заговорили солдаты,—эка, куда насъ завелъ!..

И въ отвѣтъ на этотъ ропотъ раздался веселый смѣхъ чудо-вождя.

— Помилуй Богъ, какъ они меня хвалятъ!—громко заговорилъ онъ, — вотъ точно такъ-же хвалили они-же меня въ Туретчинѣ и Польшѣ.

Сразу при этихъ словахъ вспомнили чудо-богатыри, что «отецъ» всегда умѣло выводилъ ихъ съ честью и славою изъ самыхъ безвыходныхъ, казалось, положеній...

Вспомнили, и стало имъ стыдно за свое малодушіе.

— Ура!—загремѣло по рядамъ воодушевленныхъ, вернувшихъ себѣ бодрость солдатъ, и съ новыми силами они полѣзли на неприступную гору.

Выше и выше вскарабкиваются чудо-богатыри, и вдругъ само небо ополчилось на нихъ.

Словно ночь среди дня окутала этихъ людей. Набѣжали темныя густыя облака. Громъ загремѣлъ совсѣмъ около нихъ. Змѣистыми зигзагами засверкала молнія. Съ самой выси Битнесберга посыпались камни... Чудо-богатыри вступили въ область грозы...

Что могло быть ужаснѣе этого? Чье сердце, даже безстрашное, не содрогнулось-бы отъ невольнаго чувства ужаса... Но чудо-богатыри даже не остановились. Все равно! Помирать, такъ помирать!.. Ни назадъ идти, ни здѣсь остановиться было нельзя. Была одна только дорога: впередъ, и чудо-богатыри шли этой дорогой...

Несмотря на свою трудность, путь ихъ былъ такъ быстръ, что они перегнали самое грозу... Недолго вокругъ суворовскихъ чудо-богатырей грохоталъ громъ и сверкала молнія. Скоро громовые удары стали раздаваться все ниже и ниже: поясъ былъ пройденъ.

Кѣмъ пройденъ? Голодными, босыми, раздѣтыми, изнуренными людьми.

Но эти люди были русскіе...

Великъ тотъ народъ, у котораго такія силы!..

Цѣлый день вплоть до поздней ночи продолжалось это восхожденіе русской арміи на ледяную гору. Къ вечеру только одному авангарду Милорадовича удалось одолѣть кручу

Ринненкампфа, спуститься къ деревушкѣ Пинаксъ и занять ее. Остальная армія только частью достигла вершины горы и остановилась на ночлегъ; всѣ такъ и остались тамъ, гдѣ ихъ застигла ночь...

Какъ стала головная колонна арміи на снѣжной вершинѣ, такъ и полегла вся прямо на снѣгъ и ледъ. Вся предыдущая ночь была проведена безъ сна, цѣлые два дня войска провели безъ пищи. Теперь здѣсь, на вершинѣ горы, они почувствовали, что даже самое дыханіе было затруднено. Легкія, привыкшія къ воздуху долинъ, не переносили разрѣженнаго горнаго воздуха... И въ довершеніе всего поднялась послѣ вьюги и грозы невозможная стужа. У привалившихся на ночлегъ солдатъ не было ни щепки топлива. Дротики казаковъ и лафеты горныхъ орудій, разломанныхъ на этомъ переходѣ, дали ничтожное количество матеріала для топлива. Да и то солдаты великодушно уступили своимъ начальникамъ. На обширной площадкѣ тлѣлся одинъ костеръ, около котораго размѣстились великій князь и генералы. Чудо-вождя между ними не было. Съ упрямствомъ, достойнымъ его, этотъ удивительный старикъ не захотѣлъ грѣться у костра, когда мерзли его «дѣтушки». Онъ такъ-же, какъ послѣдній рядовой, мерзъ, примостившись на снѣгу на подостланной ему солдатской шинели, укутавшись въ одномъ своемъ неизмѣнномъ плащѣ...

Тутъ выразилась вся любовь чудо-богатырей къ своему чудо-вождю.

Солдаты, конечно, сейчасъ-же узнали, что Александра Васильевича нѣтъ у единственнаго костра, что онъ мерзнетъ такъ-же, какъ и они, въ снѣгу. Недолго думая, нѣсколько казаковъ явились къ фельдмаршалу и легли съ обоихъ боковъ его прямо въ снѣгъ, стараясь согрѣть его старое тѣло теплomъ своихъ тѣлъ...

Напрасно Суворовъ приказывалъ имъ уйти. Молодцы прямо не пускали его и хладнокровно удерживали его, приговаривая:

— Знай, лежи! На то ты—отецъ, а мы—твои дѣти...

Съ нѣкоторымъ измѣненіемъ то-же самое повторилось, нѣсколько часовъ спустя, при спускѣ съ крутизны Ринненкампфа.

Александръ Васильевичъ, видя, какъ срываются и гибнутъ въ пропастяхъ его солдаты, рвался къ нимъ, желая идти впереди ихъ. Тѣ-же казаки не пускали его...

— Пустите, пустите! я самъ пойду!—кричалъ фельдмаршалъ, сидѣвшій на своей клячѣ, стараясь вырваться изъ рукъ двухъ дюжихъ бородатыхъ молодцовъ, крѣпко державшихъ его за руки.

Два, эти усердные охранителя и не подумали его слушаться. Они молча продолжали свое дѣло и только, когда «отецъ» начиналъ черезчуръ сильно биться въ ихъ рукахъ, они хладнокровно приговаривали:

— Сиди! сиди! И безъ тебя дѣло обойдется... Никто, какъ Богъ! Сумѣли забраться, сумѣемъ и слѣзть!..

Ночь на вершинѣ Битнесберга, подъ облаками, тянулась для всѣхъ—и офицеровъ, и солдатъ—невыносимо медленно. Стужа была такъ сильна, что, кто засыпалъ только, тотъ замерзалъ. Вѣтеръ неистово выл въ ледникахъ, и вмѣстѣ съ его воемъ въ эту ночь ужасовъ разносились страшные звуки: горячечный бредъ, вой, стоны, вопли, рыданія, скрежетъ зубовный умиравшихъ плѣнныхъ французовъ, которыхъ чудо богатырямъ пришлось волей-неволей вести за собой. Эти несчастные не перенесли тѣхъ ужасовъ, въ которые ихъ-же преслѣдованіе ввергло русскихъ. Но они и умереть не могли тихо. Ихъ оханія были страшны, а рядомъ съ ними русскіе, такіе-же люди, какъ и они, умирали безъ стона, безъ вопля, безъ ропота...

А на весь этотъ ужасъ съ безпредѣльной выси тысячами звѣздъ, такъ и переливавшихся своимъ блескомъ въ морозномъ воздухѣ, безстрастно смотрѣло темно-синее небо.

Но вотъ и оно какъ-бы улыбнулось.

На одномъ сосѣднемъ высочайшемъ пикѣ засверкалъ множествомъ переливовъ, зазолотился его снѣжный вѣнецъ... Первый лучъ восходящаго солнца пробился черезъ ночную тьму и разсыпалъ бриллианты по обледенѣвшимъ вершинамъ... Тучи и облака внизу такъ и обагрились въ отблескахъ восходившаго дневного свѣтила. Наступало утро новаго дня.

— Ку-ку-у-ре-ку-у!.. — вдругъ раздалось съ той стороны, гдѣ былъ чудо-вождь чудо-богатырей.

— Закукурекалъ старый пѣтухъ!—заговорили разомъ проснувшіеся и встрепенувшіеся солдаты,—вставай, робя, вставай! Пошевеливайся! Пора!..

Пѣтушиный крикъ раздался снова.

— Квохъ, квохъ, квохъ!—понеслось ему въ отвѣтъ съ разныхъ концовъ лагеря кудахтанье.

Тамъ, гдѣ царилъ одинъ только ужасъ, раздался веселый смѣхъ.

— Вставайте, вставайте, курицыны дѣти!—будили другъ друга солдаты,—нечего на пуховикахъ нѣжиться!.. ишь, батька-то благимъ матомъ пѣтухомъ ореть! Живо!..

Они бодро, съ веселымъ духомъ поднимались со своихъ ледяныхъ постелей, отряхивая съ себя снѣгъ и приплясывая въ то-же время, чтобы хотя нѣсколько разогрѣть себя движеніемъ.

Но не всѣ поднимались такъ весело и бодро.

— Вставай! время!—будилъ товарищъ продолжавшаго спать сосѣда,—ну, ну, поднимайся!..

Онъ бралъ его за плечо и принимался трясти. Вдругъ на лицѣ будившаго появлялось выраженіе ужаса. Рука невольно поднималась и творила крестное знаменіе.

— Царство небесное! вѣчный покой!—шептали губы:—замерзъ, сердяга!.. Эхъ, ты, жизнь!.. Придемъ въ православную землю, нужно безпремѣнно помянуть... А въ деревнѣ-то поди, ждуть не дождутся... Мать тамъ, а нѣтъ—жена...

Но размышлять долго не приходилось. Багряное морозное солнце выкатывалось изъ-за горъ. Трещали барабаны, герои становились въ ружье, выравнивались въ ряды. Унтеръ-офицеры наспѣхъ дѣлали расчетъ, отмѣчая живыхъ и вычеркивая тѣхъ, кто почилъ, посланный сюда неизвѣстно зачѣмъ, вѣчнымъ сномъ на ледяной вершинѣ Ринненкампфа...

А тамъ, въ глубинѣ Россіи, въ забытой Богомъ и людьми деревушкѣ старуха-мать, жена, сироты, все еще поджидали дорогого имъ человѣка, молились за него не пожелавшему спасти его небу, а когда приходила послѣдняя печальная вѣсть, слали къ тому-же небу мольбы объ упокоеніи души погибшаго страдальца...

Пусть слишкомъ пять тысячъ имъ погубленныхъ жизней, которыхъ стоилъ безсмысленный швейцарскій походъ, продолжавшійся менѣе двухъ недѣль, проклятіемъ ляжетъ на память того, по чьей волѣ совершенно напрасно погибли эти жизни!..

Ни одного австрійца съ русскими не было.

Пока русскіе гибли на снѣжныхъ вершинахъ, эти презрѣнные трусы наслаждались всѣми радостями жизни въ швейцарскихъ городахъ альпійскаго предгорья.

Тотчасъ послѣ расчета и повѣрки чудо-богатыри начали спускъ.

Нужно-ли говорить, что онъ былъ еще труднѣе подъема?

Трудно было вскарабкиваться по скаламъ, но еще труднѣе было спускаться по крутому скользкому утесу. Оставшихся лошадей нельзя было вести не только навьюченными, но даже совершенно разсѣдланными. Ихъ приходилось прямо сталкивать подъ кручу, въ смутной надеждѣ, что хотя немногія изъ нихъ останутся невредимыми. Большинство лошадей, обломавшихъ себѣ копыта, на которыхъ не было подковъ, прямо бросали по пути со всѣмъ ихъ багажемъ. Люди были въ еще болѣе ужасномъ положеніи. Всѣ полки перемѣшались, разсыпались, каждый спускался, гдѣ могъ или гдѣ хотѣлъ. Слабѣйшіе силами падали, садились отдохнуть на ледяные утесы и засыпали тутъ навѣкъ. Ихъ такъ и оставляли. Холодный вѣтеръ въ лицо мѣшалъ быстротѣ спуска. Генералы, офицеры, солдаты, не обращая вниманія на чины, когда подходили къ кручѣ, сойти съ которой было невозможно, брались за руки и скатывались внизъ.

Такъ совершала свой путь эта армія съ разсвѣта и до полудня... Только къ этому времени стали подходить толпы солдатъ къ занятой Милорадовичемъ деревушкѣ Пинаксъ. Здѣсь былъ ужъ очень небольшой роздыхъ, во время котораго успѣли, однако, подтянуться всѣ люди, что остались живы послѣ этого послѣдняго перехода. Теперь чудо-богатыри могли считать себя въ безопасности... Природу они побѣдили, а между ними и врагомъ сталъ горный хребетъ, послѣдовать черезъ который за русскими французы не рѣшились.

Лишь только вся армія чудо-богатырей сошлась у Пинакса и пришла мало-мальски въ порядокъ, показалась тщедушная фигурка ихъ чудо-вождя. Глаза Александра Васильевича такъ и сверкали радостью, счастьемъ. Онъ казался даже выше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Появившись предъ фронтомъ, онъ сорвалъ со своей сѣдой головы шляпу и своимъ старческимъ голосомъ запѣлъ:

— Тебе Бога хвалимъ...

Энтузіазмъ овладѣлъ чудо-богатырями, спасшимися, наконецъ, отъ всѣхъ ужасовъ. Они пѣли, плакали, смѣялись, обнимали другъ друга до тѣхъ поръ, пока Суворовъ крупною рысью не помчался по ихъ рядамъ.

— Здравствуйте!—кричалъ онъ, этотъ непобѣдимый чудо-вождь, размахивая своей капуцинской шляпой,—здравствуйте, чудо-богатыри, витязи русскіе! Чада павловы, здравствуйте!

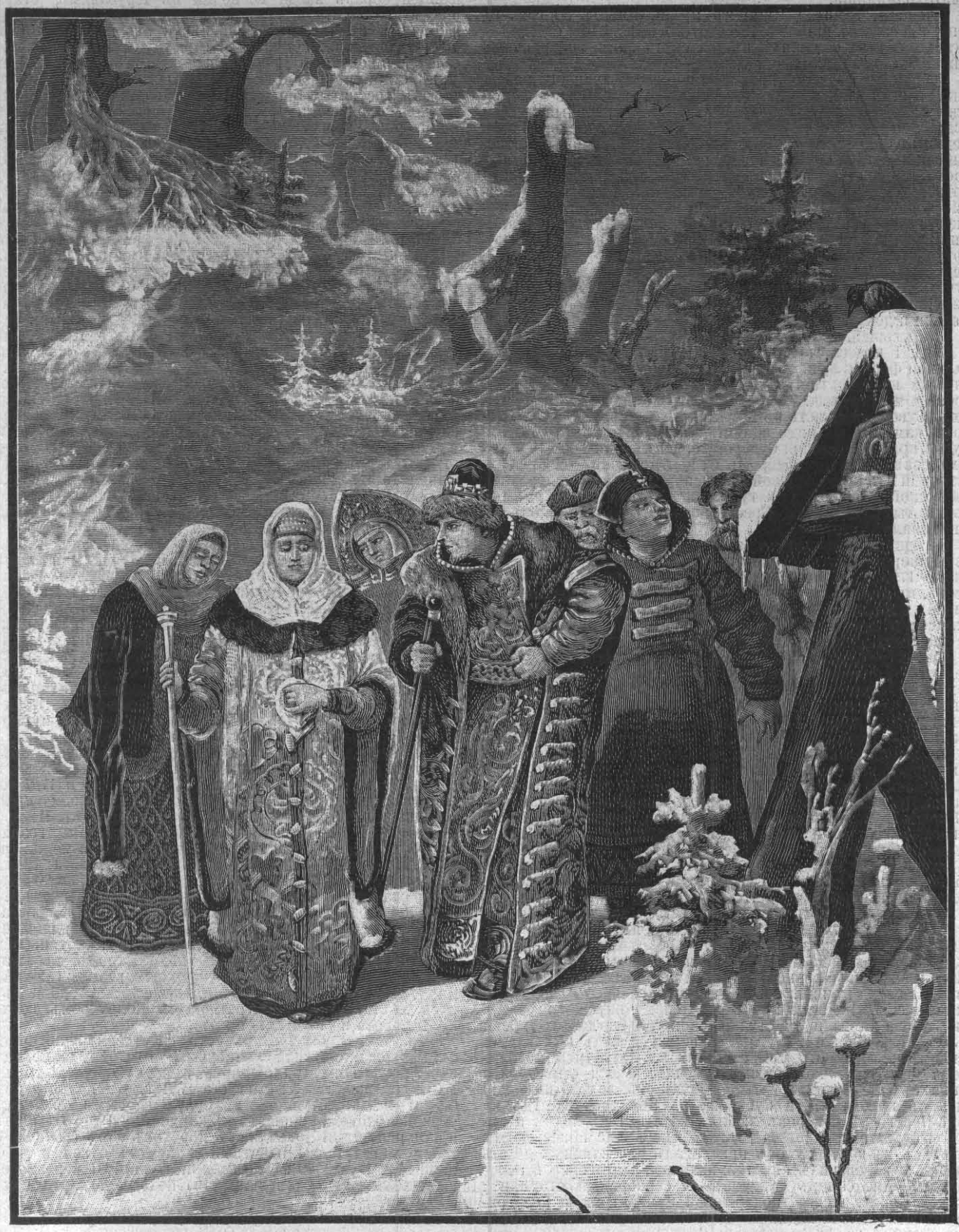
И изъ каждой груди, изъ каждаго сердца рвался отвѣтный кличъ:

— Здравія желаемъ, отецъ родной, батюшка Александръ Васильевичъ! Ура!..

Долго-долго не смолкало это «ура», переливаясь по рядамъ, какъ гулъ морского прибоя, какъ громовые раскаты.

Суевѣрные жители горъ, воочію видя предъ собой чудо совершившагося перехода черезъ непроходимыя горы, крестились, глядя на Суворова, и шептали:

НА ЗАВАЛЕНКѢ. Съ картины **Н. Богатова** гравир. для „Родины“ **В. Адтъ.**



Шествіе царя Іоанна Васильевича Грознаго съ супругою Анастасіею пѣшкомъ на богомолье.
Оригин. рисун. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

— Рюбецаль!.. въ самомъ дѣлѣ, Рюбецаль!.. Только онъ могъ пройти Ринненкампфъ!

Перейдемъ теперь опять къ описанію Суворовскаго музея-памятехранилища.

Площадь, занятая зданіемъ музея, имѣетъ 30 саж. въ длину и 5 саж. въ ширину. Высота его вмѣстѣ съ башней — 18 саж. Изъ пяти большихъ въ два свѣта залъ, центральный имѣетъ 7½ саж. высоты, остальные—4 саж.

Собранные въ музеѣ предметы по своему значенію раздѣлены на 14 отдѣловъ, именно: въ первомъ находятся вещи, принадлежавшія лично Суворову; во второмъ—церковныя книги и утварь изъ кончанской церкви; третій—заключаетъ въ себѣ предметы, принадлежавшіе семьѣ Суворова; четвертый—относящіеся къ эпохѣ Суворова вообще; пятый—изображенія Суворова; шестой—портреты членовъ семьи Суворова; седьмой—портреты современниковъ и сподвижниковъ полководца; восьмой—картины, изображающія подвиги Суворова и его сподвижниковъ; девятый—фотографіи мѣстностей дѣйствія и снаряженій; десятый—карты, планы и документы; одиннадцатый—портреты историковъ Суворова и его дѣяній; двѣнадцатый—предметы, связанные съ «Суворовскими днями» 1900 года, по случаю столѣтія со дня кончины полководца; тринадцатый—сочиненія о Суворовѣ и четырнадцатый—разные предметы, памятники и документы.

Среди вещей, принадлежавшихъ Суворову, имѣется орденъ св. Анны I класса съ лентою. Посрединѣ креста медальонъ овальной формы; лучи ордена украшены брилліантами, замѣненными впослѣдствіи поддѣльными; на оборотѣ медальона корона и монограмма. По преданію, это именно тотъ крестъ, который Суворовъ носилъ въ Кончанскомъ, во время опалы, поверхъ камзола, въ видѣ единственнаго орденскаго отличія. Другой, принадлежавшій Суворову, орденъ Маріи Терезіи шитъ на холстѣ золотомъ и серебромъ. Въ центрѣ креста—медальонъ, состоящій изъ круга розовой эмали, пересѣченнаго поперечной серебряной полосой. По кругу надпись: Fortitudini *) и розетка изъ золотыхъ блестковъ. Крестъ положенъ на вѣнокъ изъ зеленой эмали.

По однимъ источникамъ, этотъ орденъ пожалованъ Суворову императоромъ австрійскимъ въ іюлѣ, по другимъ — въ ноябрѣ 1799 года. Далѣе имѣются орденъ Краснаго Орла — крестъ, въ центрѣ котораго бѣлый съ золотымъ ободкомъ медальонъ и монограмма «GW», пять лентъ къ ордену св. Георгія I класса и ленты къ орденамъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра, Маріи Терезіи и др.

Кромѣ орденовъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе предметы: полевая зрительная трубка изъ краснаго дерева, въ мѣдной оправѣ; шпага Суворова—посрединѣ клинка вызолоченный желобокъ, съ надписью на одной сторонѣ «Vivat Catharina **)», а на другой—«Виватъ Екатерина», на изогнутой рукояткѣ — овальный щитъ изъ перламутра съ вензелемъ «Е. II», генеральскій плюмажъ изъ бѣлыхъ перьевъ, обвитый внизу орденской лентой; двѣ табакерки, изъ которыхъ одна, пожалованная императрицей Екатериной II, сдѣлана изъ черепахи. Другая табакерка серебряная, вызолоченная, на верхней крышкѣ которой, посреди орнамента, изображенъ гербъ князя Италійскаго, на нижней—монограмма «P. A. S.». На внутренней сторонѣ крышки имѣется надпись: «Au cousin du roi de Sardaigne ***)». Надпись эта даетъ основаніе полагать, что табакерка была подарена Суворову въ періодъ итальянскаго похода или вскорѣ послѣ него, во всякомъ случаѣ, предметъ этотъ тѣсно связанъ съ послѣднимъ годомъ жизни полководца и съ воспоминаніями объ одной изъ наиболѣе славныхъ страницъ исторіи его дѣяній. Въ эту часть коллекціи входятъ также золотое кольцо съ надписью на медальонѣ «Reste precieux», плетка, подаренная внучатамъ, чтобы учить ихъ уму-разуму, люлька въ видѣ золотой качающейся солонки, подаренная дочери Натальѣ предъ рожденіемъ внука, графа Ал. Ник. Зубова; столъ и два стула сосноваго и березоваго дерева изъ села Кончанскаго; круглые серебряные подъ выпуклымъ стекломъ часы работы Томаса Богля въ Аугсбургѣ, показывающіе секунды, часы, дни и мѣсяцы; бѣлая фарфоровая чашка съ блюдечкомъ; четыре весла отъ лодки, имѣющія связь съ пребываніемъ Суворова въ Кончанскомъ, гдѣ на озерѣ Черегодрѣ Суворовъ любилъ кататься въ лодкѣ и ловить рыбу; жители с. Кончанскаго и теперь еще показываютъ островокъ, къ которому онъ приставалъ для купанья; десять копій съ суворовскихъ печатей; визитная карточка съ автографомъ «Александръ Суворовъ» и серебряный старинной русской формы ковшъ, подаренный императрицею Екатериною II; сбоку ковша надпись: «Царица Екатерина Велик. подарила ковшикъ графу Александру Васильевичу Суворову».

Значительная часть реликвій, хранившихся въ кончанской церкви, была случайно найдена при разборкѣ ея въ особомъ кіотѣ, стоявшемъ въ углу храма и ранѣе никѣмъ не замѣченномъ. Этотъ кіотъ заключаетъ: терновый вѣнецъ, сплетенный изъ колючаго терновника; отъ времени онъ нѣсколько расплелся, но прекрасно сохранился; большой старинной живописи образъ входа Господня въ Іерусалимъ; старинное Распятіе Спасителя на деревѣ, художественной работы; серебряный вѣнчикъ; обрывки цѣпей отъ кадила; старые желѣзные щиты для сниманія нагара съ восковыхъ свѣчъ; золотой осьмиконечный крестъ съ ковчегомъ для мощей посрединѣ, старинной работы; шапочка св. Сергія Радонежскаго; образъ Пресвятыя Богородицы на деревѣ старинаго письма; нѣсколько образовъ св. Сергія Радонежскаго, въ томъ числѣ одинъ рѣдкой византійской работы, съ рельефными украшеніями, два большихъ образа, рѣзанныхъ на перламутрѣ цѣлыхъ раковинъ: одинъ изображаетъ Тайную Вечерю, другой—Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Главнѣйшими историческими реликвіями въ этой находкѣ являются: небольшой золотой тѣльный образокъ Суворова на полуистлѣвшей выцвѣтшей ленточкѣ и Георгіевскій крестъ съ надписью «25 лѣтъ». Кромѣ того, найдены тринадцать предметовъ старинной церковной утвари и такія-же богослужебныя книги. Изъ обрѣзковъ стараго дерева, при сборкѣ возстановленнаго суворовскаго храма, послѣ его перенесенія въ С.-Петербургъ, ефрейторъ л.-гв. сапернаго батальона Лукинъ соорудилъ модель церкви въ первоначальномъ ея видѣ и пожертвовалъ музею.

Между семейными вещами въ музеѣ находятся: мундштукъ отъ трубки отца Суворова; подпись отца его (факсимиле); бѣлыя лайковыя перчатки жены Суворова; подвѣнечное платье дочери его (Суворочки), сдѣланное изъ тонкаго кружева, цвѣта кремъ; рисунокъ колье кн. Натальи Суворовой, въ краскахъ; камергерскій ключъ сына его; клинокъ японской сабли, поднесенной внуку генералиссимуса свѣтл. князю Ал. Арк. Суворову, въ бытность его с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, японскимъ посольствомъ, прибывшимъ въ столицу въ 1862 году; два медальона внучки Суворова, Елены, одинъ изъ нихъ польскій, золотой съ чернью, а другой матоваго золота, внутри его прядь волосъ. Медальоны съ тонкой серебряной цѣпочкой.

Въ отдѣлѣ суворовской эпохи очень много польскихъ знаменъ, въ томъ числѣ знамя войскъ Косціушки; литавры, взятыя при штурмѣ Праги въ 1794 году, изображеніе Спасителя, взятое тамъ-же; французская пушка, отнятая въ сраженіи при Нови въ 1799 году. Имѣются также значительное число медалей въ честь суворовскихъ побѣдъ и коніи съ нихъ; хранилище бумагъ императора Павла I изъ золоченой мѣди — на мѣдной доскѣ утвержденъ пьедесталъ-шкатулка, а на ней второй ящикъ меньшихъ размѣровъ съ вензелемъ Павла I, выше ящика два двуглавыхъ орла, съ цвѣточными гирляндами въ клювахъ, поддерживаютъ круглый дискъ, въ центрѣ котораго, съ обѣихъ сторонъ, находятся вензеля императора Павла I, окруженные сіяніемъ, на груди орловъ также рельефные вензеля императора; серебряный складень, имѣющій форму книги; офицерская шпага голштинскихъ войскъ императора Петра III; два пѣхотныхъ ружья 1796 и 1797 годовъ, свидѣтели швейцарскаго похода, и металлическія украшенія кареты для торжественнаго въѣзда Суворова въ Петербургъ въ 1800 году. Имѣются до пятидесяти портретовъ, гравюръ и хромолитографій, какъ оригинальныхъ, такъ и копій, съ изображеніемъ полководца и членовъ его семьи, а также нѣсколько гипсовыхъ бюстовъ его и масокъ; нѣсколько картинъ, изображающихъ подвиги Суворова, какъ-то: «Штурмъ Измаила», «Переходъ черезъ Альпы», «Сраженіе у Чертова моста 12-го сентября 1799 года», «Князь Багратіонъ, воодушевляющій на бой казаковъ», «Штурмъ Очакова» и мн. др., картины, изображающія событія швейцарскаго похода, домъ, въ которомъ останавливался Суворовъ въ Андерматѣ, главныя комнаты въ монастырѣ св. Іосифа въ Мутенѣ, суворовскаго дома въ Гларисѣ, мѣста боя князя Багратіона съ Молиторомъ, восхожденіе Суворова на Кленталь и проч.

Въ числѣ документовъ есть собственноручныя письма фельдмаршала, духовное завѣщаніе его 1792 года, приказъ въ нерехтскую вотчину выборному жены Суворова 26-го января 1801 года, приказъ 5-го августа 1784 г. о покупкѣ рекрутъ и обязательномъ вступленіи въ бракъ вдовымъ съ холостымъ, черновой набросокъ письма къ кардиналу Руффо (1799 г.), копія съ реляціями Потемкина о морскомъ боѣ у Очакова, указы императора Павла I, печатный манифестъ о войнѣ съ Франціей, 16-го іюля 1799 года, стихи на кончину Суворова, рельефные планы театра швейцарскаго похода и карта походовъ Суворова.

Изъ портретовъ историковъ суворовской эпохи имѣются: графа Д. А. Милютина, А. Ѳ. Петрушевскаго, Д. Ѳ. Масловскаго, М. И. Драгомирова и Богдановича.

Одинъ залъ цѣликомъ отведенъ для коллекціи, принадлежавшей В. П. Энгельгарду. Проживая издавна въ Дрезденѣ, В. П. посвятилъ послѣдніе годы изученію Суворова и преимущественно его швейцарской кампаніи. Онъ неоднократно посѣщалъ въ Швейцаріи многія мѣста, гдѣ проходилъ и дѣйствовалъ Суворовъ, разыскивалъ и покупалъ фотографическіе

*) Т. е., за храбрость.
**) Т. е., да здравствуетъ Екатерина!
***) Т. е., двоюродному брату сардинскаго короля.

виды по пути его слѣдованія, не довольствуясь этимъ, заказывалъ мѣстнымъ фотографамъ снимать виды тѣхъ пунктовъ, которые самъ имъ назначалъ. Ему удалось разыскать десять акварелей того времени (1800 г.), изображающія разныя мѣстности на пути Суворова. Сверхъ того, онъ разыскивалъ и пріобрѣталъ разные предметы, относящіеся къ 1799 году, какъ-то: ядро, гранату, картечныя пули, стремена, шпоры и проч. Имъ-же собрана цѣнная коллекція суворовскихъ портретовъ и гравюръ. Разыскавъ тѣ дома, гдѣ Суворовъ ночевалъ или останавливался во время швейцарскаго похода, В. П. скупалъ мебель, которая въ этихъ домахъ служила Суворову, и прочія принадлежности его обихода. Всю свою коллекцію фотографій, гравюръ и картъ, которыхъ больше сотни, а также моделей и иныхъ предметовъ Энгельгардъ назвалъ «Суворовскимъ сборникомъ» и передалъ въ распоряженіе музея.

Въ отдѣлѣ «Суворовскіе дни» хранятся: заглавная гравюра къ суворовскому сборнику, фотографія сцены Александринскаго театра въ суворовскій вечеръ 12-го февраля 1900 г., программа концерта того-же года и числа, жетонъ съ лентами, розданный артистамъ, участвовавшимъ въ суворовскомъ вечерѣ, программа суворовскаго вечера въ виленскомъ военномъ собраніи, платокъ съ портретомъ Суворова и бланки открытыхъ писемъ съ портретами Суворова, его жены и дочери, изданіе графовъ Зубовыхъ.

Во второмъ этажѣ башни помѣщается библіотека, въ которую вошли всѣ печатные труды какъ о самомъ Суворовѣ и его сподвижникамъ, такъ и вообще о суворовской эпохѣ. Кромѣ вышеописанныхъ предметовъ, въ музеѣ собрано много всевозможныхъ вещей, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ геніальному полководцу и служащихъ какъ памятниками для благоговѣйнаго воспоминанія и размышленія о великомъ русскомъ человѣкѣ, такъ и матеріаломъ для изученія дѣяній великаго слуги Русской земли.

Таковъ этотъ памятникъ «Сѣвернымъ громамъ», какъ назвалъ Суворова его современникъ-поэтъ Державинъ.

Пройдутъ года, много лѣтъ, а Суворовскій музей во всей неприкосновенности будетъ хранить поколѣніямъ память о незабвенномъ русскомъ чудо-вождѣ, любимцѣ побѣдъ, яркомъ солнцѣ въ вѣнцѣ былой русской славы, солнцѣ, которое не затмятъ никогда никакія неудачи прославленнаго имъ русскаго оружія...

Въ дни грозныхъ испытаній всегда будутъ памятны относящіяся къ русскому чудо-вождю А. В. Суворову слѣдующія строки «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ»:

«Кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ грозно очи.
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ смутнымъ роемъ
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли тѣни съ воемъ.
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ.
О, горе, горе! супостатъ!
То—грозный нашъ Суворовъ!»

КОНЕЦЪ.

Весна.

Ушла въ міръ дальній непогода
И все воспрянуло отъ сна,
Вздохнула радостно природа—
Пришла красавица-весна.
И подъ ея волшебнымъ взоромъ
Творятся всюду чудеса—
Луга покрылися узоромъ,
Въ нарядъ одѣлися лѣса.
Блистая чудною красою,
Весна идетъ среди полей
И брызжетъ чудною росою
Съ обвитыхъ радугой кудрей.

В. Бараненковъ.

Окно на чужой дворъ.

(Провинціальная картинка.)

Разсказъ М. Э. Никольскаго.

ПРАСКОВЬЯ Ѳедоровна проспала до 10 часовъ утра—наканунѣ были гости. Да и куда ей было торопиться вставать? На базаръ ходила прислуга, прислуга-же подавала и чай молодому барину, ея сыну, Петру Михайловичу.

Мужа-же у Прасковьи Ѳедоровны давно не было въ живыхъ: онъ померъ, когда Петрушѣ шелъ всего пятый годъ, а теперь ему уже двадцать стукнуло — какъ разъ въ тотъ годъ, когда позади ея двора этотъ безсовѣстный калачникъ Горбуновъ, оттягавъ у нихъ ихъ бывшую землю, которой они позволили ему пользоваться въ качествѣ полноправнаго хозяина болѣе десяти лѣтъ, сталъ возводить огромный каменный домъ.

Этотъ годъ возведенія дома Горбуновымъ сдѣлался для Прасковьи Ѳедоровны, искренне ненавидѣвшей «грабителя», какъ она называла Горбунова, своего рода эрой — отъ него она вела счетъ всѣмъ событіямъ своей послѣдующей жизни.

«Это было черезъ три, это было черезъ четыре года, какъ этотъ грабитель Горбуновъ сталъ строить свой домъ на украденной у насъ землѣ», — говорила она, обыкновенно, при опредѣленіи времени какого-либо происшествія.

И Прасковья Ѳедоровна вотъ уже четырнадцать лѣтъ сохранила къ Горбунову непримиримую ненависть и отвращеніе честнаго, обиженнаго человѣка предъ мошенникомъ. Эту ненависть привила она и сыну, который привыкъ съ дѣтскихъ лѣтъ считать Горбунова похитителемъ ихъ собственности и своимъ злѣйшимъ врагомъ.

Встала съ постели Прасковья Ѳедоровна въ добродушномъ настроеніи — она вчера вечеромъ выиграла пять рублей въ преферансъ и при воспоминаніи объ этомъ весело усмѣхнулась. Хотя, получая съ находящагося въ арендѣ рыбнаго промысла ежегодно болѣе шести тысячъ рублей, она и не могла считать эту сумму крупной, но этотъ выигрышъ ея, обыкновенно, по мнѣнію ея партнеровъ, плетшей лапти въ этой игрѣ, льстилъ самолюбію Прасковьи Ѳедоровны.

Умывшись, она вышла на крыльцо пить чай на свѣжемъ воздухѣ и вдругъ, замеревъ отъ изумленья опустилась на стулъ всей своей полной фигурой.

— Петя, Петенька! Да что-же это за навожденіе, прости Господи? — отчаянно выкрикнула она, придя немного въ себя.

Сынъ ея, рослый симпатичный юноша, вышелъ изъ дверей своей комнаты.

— Что такое, маменька? Чѣмъ вы такъ взволнованы?

Въ его голосѣ слышалось нѣчто неестественное, фальшивое.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, не видишь, что-ли, этого? — она указала рукой на каменную стѣну горбуновскаго дома, примыкавшаго ко двору Прасковьи Ѳедоровны своимъ заднимъ фасадомъ. — Это что такое?

— Это? Окно!

— Да что ты, Петенька, младенецъ пятилѣтній, что-ли? Я и безъ тебя вижу, что окно. А скажи ты мнѣ, какое такое право имѣлъ грабитель окно на мой собственный дворъ продѣлывать? И тутъ по-жульнически поступилъ. Глядь-ка, въ одну ночь въ глухой стѣнѣ окно продѣлалъ! И ужъ живутъ тамъ у него, злодѣя!

Небольшое окно съ кокетливой занавѣской скромно выглядывало на широкій чистый дворъ Прасковьи Ѳедоровны.

— Ахъ, извергъ онъ эдакій! — продолжала причитать она въ раздраженіи: — ишь, ты что выдумалъ? Противъ всякаго закона пошелъ! Думаетъ, землю оттягалъ, такъ и тутъ нахрапомъ возьметъ. Завтра-же мировому подаю. Развѣ я спущу ему это?

— Да, вѣдь, это онъ, маменька, по необходимости сдѣлалъ. У него тутъ комнатка сдается. Раньше-то въ нее свѣтъ сбоку отъ Хохлушкиныхъ шелъ. А, вѣдь, теперь Хохлушкинъ-то, Вахромей-то Егоровичъ, домъ себѣ о бокъ съ нимъ выстроилъ, ну, и закрылъ это окошко... Вотъ онъ и продѣлалъ сюда для свѣта...

— Я ему такой свѣтъ покажу! Дамъ я ему на свой дворъ окна дѣлать!

— Да намъ-то что, маменька? Пускай себѣ тамъ люди живутъ.

Изумленію и огорченію Прасковьи Ѳедоровны не было границъ.

— Да ты что, Петенька? Господь съ тобой! Сьума ты

Сканировал reduktorer rutracker.org

что-ли, сошелъ? Первое—шпіонить за нами будутъ, подглядывать все, что на дворѣ дѣлается, а потомъ, чтобы я хоть на грошъ дала пользы этому грабителю! Да никогда, да разрази Ты меня, Матъ Пресвятая Богородица! — Прасковья Ѳедоровна заплакала. — А и ты, вижу я, на сторону нашего семейственнаго лиходѣя переходишь! Снюхался ты съ нимъ ужъ, что-ли? Матери родной не жалѣешь! Скажи, что вы кутили, что-ли, гдѣ вмѣстѣ?

Петръ Михайловичъ даже перекрестился.

— Что вы, маменька? вотъ вамъ честной крестъ, что и ничего подобнаго не было. Не кучу я, вѣдь, сами вы это знаете, а ужъ съ грабителемъ этимъ, повѣрьте, никогда знакомства не заведу.

Но Прасковья Ѳедоровна продолжала плакать и причитывала:

— Ужъ и сынъ отъ меня отступается. Что-же я дѣлать-то буду?

Она, видимо, еще больше была поражена, чѣмъ окномъ, неожиданной защитой сыномъ поступка Горбунова.

— Что вы, маменька? Хотите, я вамъ даже прошеніе напишу мировому!

Но заплаканная Прасковья Ѳедоровна ушла въ свою комнату. Чай она велѣла подать себѣ туда и черезъ часъ куда-то уже собралась.

Обѣдали они вмѣстѣ около трехъ часовъ. Прасковья Ѳедоровна хотя и была нѣсколько разстроена, но заговорила съ сыномъ сама.

— А знаешь, Петенька, я, вѣдь, у мирового была!

— Ну, и что-же, маменька?

— Не принялъ онъ прошенія-то. Не моя, говоритъ, это... какъ это онъ сказалъ... кантемпусія.

— Компетенція... Вѣрно, маменька?

— Вотъ, вотъ... контипенція. «Оно прежде,—говоритъ,—мы, мировые, это рѣшали, а теперь, — говоритъ, — въ окружной судъ отошло, туда и обращайтесь».

— Ну, что-же, маменька, подайте и туда.

Прасковья Ѳедоровна тяжело вздохнула.

— Да ужъ подадимъ и туда, Петенька. Только вотъ нервами дай поправиться. Вѣдь, вотъ съ самаго того дѣла, какъ этотъ грабитель отнялъ у насъ землю, я и нервы свои расшатала. Мимо суда этого самаго пройти спокойно не могу.

— Да, вѣдь, судъ-то тутъ не причемъ, маменька, судъ по закону рѣшаетъ. Мы тогда сами виноваты были, что дали ему землей болѣе десяти лѣтъ владѣть.

— Пусть хоть и такъ, а вотъ нервовъ-то моихъ не хватаетъ. Вотъ какъ оправлюсь, такъ и подамъ.

Но какъ могли поправиться непоправлявшіеся четырнадцать лѣтъ нервы, когда продѣланное окно послужило новой безконечной темой для разговоровъ съ обитателями всей улицы, со всѣми знакомыми, со всѣми торговками на исадахъ, предметомъ новаго постояннаго раздраженія?

Однако, оказалось, что это было только полбѣды.

Прошло недѣли двѣ. Громъ грянулъ оттуда, откуда Прасковья Ѳедоровна и не ожидала.

Вставъ однажды нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, она вышла на крыльцо и снова замерла отъ удивленья.

Петруша, ея скромный, благонравный Петруша сидѣлъ на крышѣ флигеля и весело переговаривался съ дѣвушкой, виднѣвшейся въ окнѣ рокового грабительскаго дома. Окно было продѣлано во второмъ этажѣ и съ крыши флигеля до его подоконника было не болѣе сажени разстоянія; хотя самая крыша не вплоть подходила къ окну, но для разговоровъ это было самое удобное мѣсто.

— Петенька!..

Молодой человѣкъ чуть не кубаремъ скатился съ крыши. Дѣвушка исчезла въ окнѣ съ легкимъ крикомъ. Бѣлая занавѣсь скрыла ее окончательно.

Въ домѣ у Прасковьи Ѳедоровны поднялась исторія. Чего только не придумало оскорбленное материнское самолюбіе. И шутъ-бы съ нимъ, съ этимъ окномъ, но вотъ какую свару внесло оно въ ихъ тихую жизнь. Никогда еще до сихъ поръ ея Петенька не былъ съ ней неоткровененъ. И взволнованная Прасковья Ѳедоровна трогательно умоляла сына сознаться, что онъ въ заговорѣ съ Горбуновымъ и даже помогалъ ему продѣлать окно для этой гадкой дѣвченки, при помощи которой этотъ извергъ и рѣшилъ погубить ея Петеньку, ея единственную гордость и надежду.

Но искреннія клятвы сына убѣдили ее, что съ этой стороны Петръ Михайловичъ совершенно невиновенъ. Тогда она принялась убѣждать его не поддаваться коснямъ этой опасной прелестницы, не губить своей молодой жизни.

— Да что вы, маменька, надо мной точно надъ покойникомъ плачете! Что-же особеннаго я и сдѣлалъ?

— Да какъ-же ты съ той потаскушкой знаешься?

— Да, вѣдь, вы-же не знаете ея, маменька! Это—честная, работящая дѣвушка, съ утра до ночи сидящая за шитьемъ и своими руками добывающая себѣ кусокъ хлѣба. Что-же въ этомъ дурного, что я съ ней заговорилъ?

Но Прасковью Ѳедоровну было очень трудно успокоить. Снова полились упреки и жалобы. Выходило, что ея Петенька промѣнялъ ее на первую встрѣчную дрянь, что онъ уже больше не желаетъ знать свою мать.

Обиженный и раздосадованный Петръ Михайловичъ, не возражая на незаслуженныя оскорбленія, ушелъ въ свою комнату.

Къ вечеру Прасковья Ѳедоровна нѣсколько успокоилась, но отношенія ея къ сыну уже не имѣли прежней искренности. Въ домѣ началась глухая, упорная война.

Петръ Михайловичъ нисколько не считалъ себя виноватымъ. Вовсе не руку Горбунова державъ онъ теперь, но чѣмъ-же онъ виноватъ, что въ первый-же день появленія окна его сразу увлекла хорошенькая головка, въ немъ появившаяся?

«Дѣвушку ругать не за что, какъ это дѣлаетъ маменька,—размышлялъ Петръ Михайловичъ.—Эта швея Поленька—честная, хорошая дѣвушка, никто про нее дурного не скажетъ. Что-же за бѣда, что она завела знакомство со мною, какъ съ сосѣдомъ?.. Еще, вѣдь, молоденькая, всего только восемнадцать лѣтъ минуло, и повеселиться ей хочется. Ну, разговаривали мы по утрамъ, пока маменька спала... ну, и по вечерамъ встрѣчались—что-же еще въ этомъ дурного? А вотъ маменькѣ обидно, что безъ ея вѣдома это знакомство сдѣлалъ, вотъ и хочетъ она настоять на своемъ.

Но, несмотря на всю свою любовь къ матери и постоянное ей подчиненіе, Петръ Михайловичъ на этотъ разъ впервые пошелъ наперекоръ ея желанію: слишкомъ уже тянуло его къ молодой дѣвушкѣ. Смутными порывами своего еще никогда не бившагося въ женскомъ присутствіи сердца онъ чувствовалъ, что любитъ Поленьку глубоко.

Петръ Михайловичъ зналъ, что за всѣми его дѣйствіями установлено теперь наблюденіе. Правда, онъ продолжалъ встрѣчаться съ Полей по вечерамъ, но утренніе разговоры стали теперь невозможны. Съ одной стороны, у него не хватало духа вступить въ такую открытую борьбу со своей матерью, а съ другой — онъ боялся непріятностей, которыя вспыльчивая Прасковья Ѳедоровна могла надѣлать Поленькѣ. И такъ уже рѣзкія фразы съ ихъ двора не разъ долетали до дѣвушки, избѣгавшей теперь садиться возлѣ самаго окна и поднимать занавѣску.

Встрѣчаясь съ Поленькой, Петръ Михайловичъ, однако, не могъ отвѣтить на прямые вопросы дѣвушки, чѣмъ-же кончится ихъ знакомство. Онъ видѣлъ, что она не позволитъ ему никакой вольности, несмотря на оказываемую благосклонность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительный юноша сознавалъ, что никогда Прасковья Ѳедоровна не дозволитъ ему брака съ этой дѣвушкой безъ всякаго приданаго. А, между тѣмъ, могъ-ли онъ идти противъ ея воли? Онъ выросъ въ безусловномъ повиновеніи матери, да и что будетъ онъ дѣлать, если она за его непослушаніе лишитъ его своей поддержки? И домъ, и промыселъ принадлежали ей, а самъ онъ не имѣлъ ничего. Работать? Но не привыкъ онъ къ работѣ. Да и чѣмъ можетъ онъ заняться? Кончивъ всего три класса гимназіи и не зная никакого спеціальнаго мастерства, онъ не могъ расчитывать на многое. А, между тѣмъ, его, конечно, избаловала широкая жизнь дома, гдѣ все было полной чашей.

Петръ Михайловичъ видѣлъ, что Поленька начинаетъ относиться къ нему все холоднѣе и холоднѣе. Она, какъ не разъ говорила ему сама, избѣгала шалопутовъ, лишь стремящихся завлечь и бросить неопытную дѣвушку. Видимо, и его она начинала причислять къ этой-же категоріи.

Серьезно увлеченный дѣвушкой, Петръ Михайловичъ не зналъ, на что рѣшиться, что сдѣлать. Онъ страдалъ и мучился, но не находилъ исхода изъ этого положенія.

Однажды, во время послѣобѣденнаго сна, его разбудила торжествующая Прасковья Ѳедоровна и сказала:

— Встань-ка, встань-ка, Петенька, что я тебѣ покажу.

Удивленный Петръ Михайловичъ поднялся съ постели и послѣдовалъ за матерью.

— Гляди-ка, у крали-то у твоей кто сидитъ. Вонъ самъ грабитель, вѣдь, иродъ проклятый! Вотъ тебѣ и не говори про нее дурного. Что-же, и теперь молчать прикажешь? Ужъ если этотъ жуликъ къ ней повадился ходить, то, значитъ, хороша она птица.

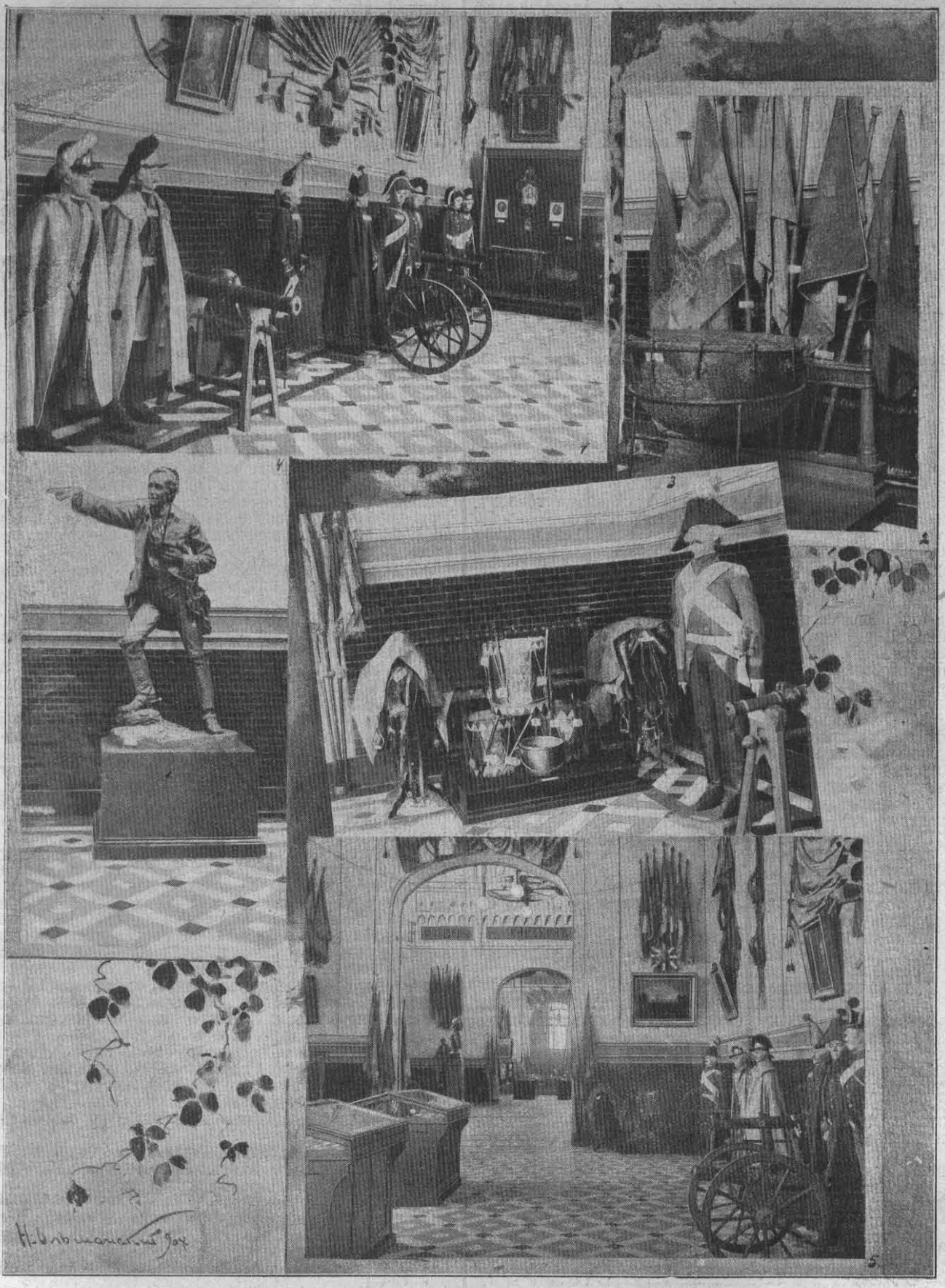
Юноша въ смущеніи молчалъ. Не мало выходило у него до этого легкихъ непріятностей съ Прасковьей Ѳедоровной, старавшейся очернить дѣвушку въ его глазахъ и передававшей ему про нее всевозможныя сплетни. Но обыкновенно у него находились на эти слова вѣскія возраженія или фактами, или ссылками на недоказанность вздорныхъ слуховъ. Но теперь фактъ былъ налицо. Мало хорошаго всѣ знали насчетъ Горбунова, извѣстнаго своими постоянными кутежами.

— Да, можетъ быть, это онъ за деньгами пришелъ или по дѣлу,—смущенно пробормоталъ Петръ Михайловичъ.

Изъ-за полуприподнятой занавѣски до нихъ долетѣлъ громкій смѣхъ Поли.

— То-то по дѣлу! Знаешь, вѣдь, какія у него дѣла?

Сердце Петра Михайловича сжалось отъ тоски и рев-



СУВОРОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1) Обмундированіе войскъ временъ Суворова. 2) Польскія литавры, взятыя при штурмѣ Праги въ 1794 г., и турецкіе бунчуки. 3) Барабаны, сѣдла, войсковой котелъ и пр. времени императора Павла I. 4) Статуя Суворова (раб. Эдвардса), копія съ памятника въ Очаковѣ. 5) Внутренній видъ музея изъ задняго лѣваго зала. По фот. Н. Ольшанскаго.

ности. Вѣдь, онъ-же самъ слышалъ отъ Поленьки, что Горбуновъ дѣлалъ ей гадкія предложенія и она даже перестала съ нимъ разговаривать и кланяться. Слезы показались у него на глазахъ.

«Эхъ, вотъ она, проклятая сила денегъ, покупающая все на свѣтѣ!»—съ грустью подумалъ Петръ Михайловичъ.

Его охватило отчаяніе. Спрятавшись за амбаромъ, онъ окошкомъ дѣвушки, онъ сталъ терпѣливо ожидать ухода Горбунова.

Едва дождавшись этого, Петръ Михайловичъ вырвалъ изъ записной книжки листокъ бумаги и написалъ на немъ нѣсколько словъ.

«Зачѣмъ вы обманывали меня?—писалъ онъ.—Вспомните, какъ отзывались вы о предложеніяхъ вашего Горбунова. И вы-же сами теперь принимаете его у себя! Или и вы не можете устоять предъ его деньгами?»

Петръ Михайловичъ бросилъ записку въ окно, обернувъ ею небольшой камешекъ.

Минутъ черезъ пять такимъ-же образомъ получился отвѣтъ.

«Я вамъ не давала права слѣдить за мной,—отвѣчала молодая дѣвушка:—я сама дѣлаю, что хочу. А насчетъ хозяина все—ложь. Онъ мнѣ сперва нехорошее говорилъ, а теперь за себя замужъ предлагаетъ. Вы вотъ все со мной гуляли, а объ этомъ не думаете. А у меня свое счастье должно быть. Вамъ что? вы поиграть хотите да бросить, а онъ замужъ беретъ. Вы видѣли, что я любить васъ стала, и это для меня гибель, а онъ на мнѣ женится».

Петръ Михайловичъ сталъ писать новую записку. Горячія признанья любви уже испещрили цѣлую страницу, но рѣзкій голосъ Прасковьи Ѳедоровны прервалъ его письмо.

— Петинька, — позвала она, — что ты тамъ дѣлаешь? Поди-ка сюда.

Онъ съ неудовольствіемъ повиновался. Видя, что ему ужъ не придется объяснитьс і съ Поленькой сейчасъ, онъ рѣшилъ отложить это до вечерняго свиданья.

Но вечеромъ Поленька не пришла на условленное мѣсто. Не пришла она и въ слѣдующіе вечера. Всѣ попытки Петра Михайловича получить отвѣтъ на свои письма, которыя онъ бросалъ ей въ окошко и посылалъ по почтѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Онъ былъ въ отчаяніи и тосковалъ по цѣлымъ днямъ. А тутъ какъ разъ стало извѣстно, что Горбуновъ женится на своей жиличкѣ. Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила юношу. Даже Праско ья Ѳедоровна стала бояться за его душевное состояніе и пыталась уговорить его развлечься или пойти погулять.

(Окончаніе будетъ.)

Послѣ молитвы.

Разсказъ **Ив. Афанасьева.**

ДЕНЬ былъ пасмурный. Въ воздухѣ вѣяло теплomъ. Чуялась ранняя весна. Дни тягостныхъ боевъ теперь, казалось, ушли далеко-далеко. Усталые отъ переходовъ солдаты отдыхали, набираясь новыхъ силъ для отраженія врага. Армейскій корпусъ расположился въ одной изъ оставленныхъ китайцами деревень. Несмотря на то, что деревня была расположена верстахъ въ десяти отъ боевыхъ позицій, все-же нѣтъ-нѣтъ да долетали выстрѣлы. Шрапнели сверкали бѣлыми вспышками на фонѣ сѣрыхъ тучъ, а бомбы поднимали столбы земли и пыли. Но на эти выстрѣлы никто не обращалъ вниманія,—что значили эти отдѣльныя бомбы въ сравненіи съ тѣмъ адомъ, который перенесли сѣрые герои во время ни на минуту не замолкавшихъ боевъ, въ продолженіе пятнадцати дней? Одиночные выстрѣлы вызывали не ужасъ, не боязнь и не страхъ, а шутки со стороны вынесшихъ бои солдатъ.

Вотъ въ воздухѣ засвистѣлъ снарядъ и, бухнувъ на землю, завертѣлся, зашипѣлъ, вырывая около себя яму.

— Хоронись, братъ, хоронись,—смѣются солдаты,—копай себѣ могилу.

— Вѣрно, что могилу,—подхватываютъ другіе,—коли не разорвался сразу, тутъ, братъ, ему капутъ.

— И неугомонны-же желтыя макаки!

— Д-да! Сколько зря снарядовъ выпустятъ!

— Не всегда, братъ, зря... Помнишь, какъ позавчера Семенчука садануло?

— А онъ-бы не подвертывался!

— То же сказалъ—«не подвертывался»! развѣ углядишь?

— Смотри въ оба.

— Хоть во всѣ четыре гляди, все равно.

— Ну, это какъ для кого... примѣрно, я всегда угляжу. Оно, конечно, трудно заприметить, ежели снарядовъ тысячи летятъ, а одинъ завсегда можно... Потому какъ тихо, а онъ поетъ въ воздухѣ, ну, ты и гляди... Ой, ой!—вдругъ крикнулъ говорившій и покатился по землѣ.

Папаха, сорванная съ него какой-то невѣдомой силой, была поднята въ воздухѣ и, перевернувшись нѣсколько разъ, шлепнулась на землю и въ тотъ-же моментъ близъ группы говорившихъ раздался трескъ, и цѣлый столбъ земли, высоко поднявшись, забросалъ комьями солдатъ.

Упавшій всталъ.

— Что, Ивановъ, замѣтилъ?—смѣялись солдаты, глядя на поднявшагося, который ощупывалъ свою голову.

— Замѣтишь съ вами!—огрызнулся тотъ,—заболтался, вотъ и прозѣвалъ.

— Больно?

— Не больно, а палитъ, словно обожгло!

— А ты надѣнь папаху-то, легче будетъ.

— И то! Да гдѣ она?

— Вонъ лежитъ.

Поднявъ папаху, Ивановъ оглядѣлъ ее.

— Черти!—произнесъ онъ.

— Что?

— Ничего, а только тулью попортили.

Дѣйствительно, тулья папахи была разорвана.

— Ладно, Ивановъ, ничего, починишь.

— «Починишь»! Конечно, починю, а жалко на новую папаху заплату-то класть!

Изъ близлежащей фанзы вышелъ начальникъ штаба корпуса и обходилъ группы солдатъ, что-то имъ говоря. Слышались лишь отдѣльные возгласы: «такъ точно, ваше высокоблагородіе!». Вотъ онъ и около группы, среди которой Ивановъ все еще разсматриваетъ раненую папаху и укоризненно качаетъ головой.

— Здорово, молодцы!—кричитъ начальникъ штаба.

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!—гремитъ въ отвѣтъ.

— Полковой священникъ проситъ васъ, братцы, помолиться. Вспомните, какіе дни наступили, Великій постъ пришелъ. Помолимтесь?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Такъ вечеромъ, ребята!

— Слушаемъ!

Сумерки спустились надъ деревней, въ одномъ изъ просторныхъ дворовъ которой былъ поставленъ аналой съ евангеліемъ и крестомъ. Это замѣняло то благолѣпіе храма, къ которому привыкъ русскій народъ. Тѣснымъ кольцомъ стояли вкругъ аналоя писарская команда, телеграфная рота, драгуны летучей почты и казаки конвоя. Немного выдвинувшись впередъ, стоялъ начальникъ штаба и тѣснилась кучка офицеровъ, одѣтыхъ въ сѣрыя пальто. Небольшой хоръ пѣвчихъ изъ солдатъ, отвѣчая на возгласы священника, одѣтаго въ рясу и эпитрахиль, замѣнялъ трогательные напѣвы церковныхъ пѣснопѣній, захватывалъ душу молящихся и уносилъ ее туда, куда она рвалась уже давно, къ высокому небу, гдѣ чудилось присутствіе Вседержителя Творца. Регентъ хора солдатъ, служилъ и за дьячка. Начинало темнѣть. Свѣчи, которыя держали въ рукахъ пѣвчіе, освѣщали снизу скуластое лицо регента, его волнистые волосы и усы. Регентъ слушалъ самъ себя, онъ велъ хоръ и клиръ, одушевленный его примѣромъ, старался. Толстый, изъ запасныхъ, басъ гудѣлъ, какъ шмель, тенора стремились не отстать отъ регента, а имъ вторилъ солидный баритонъ одного изъ писарей.

Давно уже не молились эти сѣрые герои, давно не были въ церкви! Всѣ они были измучены душевно, многіе голодали, многіе тосковали. А эта молитва подъ куполомъ темнаго неба, со слабыми проблесками вечерней зори, глубоко трогала сердца защитниковъ святой Руси, заброшенныхъ въ чуждыя имъ степи.

Всѣ молились искренне, молились такъ, какъ молятся дѣти, какъ молятся тѣ, кто знаетъ, что такое страданіе; молились за счастье родины, за Царя, за побѣду, за самихъ себя, за тѣхъ, кто милъ и дорогъ сердцу.

Вотъ священникъ, окадивъ евангеліе, повернулся къ молящимся и клубы ладона скрыли его отъ глазъ опустившихся на колѣна воиновъ.

— Господи, Владыко живота моего... — слышится голосъ священника.

Головы невольно опускаются, рука каждаго творитъ крестное знаменіе, душа точно отдѣляется отъ тѣла и стремится въ безконечную высь, къ далекимъ райскимъ вратамъ.

Что за чудная минута,—минута духовнаго восторга для всѣхъ сердецъ людей, стоящихъ колѣнопреклоненными подъ шатромъ звѣзднаго неба, предъ аналоемъ, на которомъ лежатъ евангеліе и крестъ и около котораго клубы ладона, какъ безкровная жертва, возносятся къ Всевышнему Творцу!

А кругомъ ширь необъятныхъ чужихъ полей, синія горы на востокѣ и узкая полоса золотистаго заката на западѣ.

Темнота все сгущается. Зажженныя теперь свѣчи, словно звѣздочки, спустившіяся на землю, ярко блестятъ своимъ желтымъ свѣтомъ. Дымъ изъ кадила, причудливыми волнами тихо колыхаясь въ воздухѣ и разнося ароматъ ладона, исчезаетъ въ темнотѣ. Эпитрахиль священника, обшитая широкимъ золотымъ позументомъ, отчетливо выдѣляется при колеблющемся свѣтѣ свѣчей, аналой, покрытый парчей, блеститъ, золоченыя застежки евангелія и золоченый крестъ горятъ, а склоненная толпа тихо шепчетъ слова молитвы.

Было уже совершенно темно, когда послышался послѣдній возгласъ священника и на него стройно отвѣтилъ хоръ. Замирающіе звуки пѣснопѣнія словно что-то отрывали отъ сердца и души молящихся. Имъ не хотѣлось уходить, хотѣлось безъ конца слушать эти давно не слышанныя молитвы, эти божественные напѣвы, бодрящіе человѣка. Но служба кончена. Широкимъ взмахомъ снялъ съ себя священникъ эпитрахиль и завернулъ въ нее евангеліе и крестъ, сложенъ складной аналой, погашены свѣчи и молящіеся медленно начали расходиться по своимъ фанзамъ.

Деревня погрузилась во мракъ. Повсюду наступила тишина и только кое-гдѣ слышны разговоры солдатъ, довольныхъ тѣмъ, что они могли помолиться.

— Хорошо!—слышится радостный голосъ.

— Еще-бы! Словно другой человѣкъ сталъ.

— Обновился. На душѣ, ребята, теперь легче.

— А все Господь...

— Все Онъ, Милостивый...

— Поговѣть-бы теперь!

— И поговѣемъ, погоди, дай срокъ. Чреда придетъ и отъ грѣховъ избавимся.

— Что-то у насъ въ деревнѣ теперь?—послышался чей-то печальный голосъ.

— Что? Извѣстно, что! Бабы съ ребятами постныхъ щей нахлебались да на печку спать залегли.

— Н-да!

— А тебѣ то же на печку захотѣлось?

— Нѣтъ, а такъ вспомнилось...

— Не время, братъ, про деревню вспоминать. Помнишь, батюшка читалъ: «Господи, Владыко живота моего»... Тутъ, братъ, глубокій смыслъ...

— Какой?

— А такой, что въ животѣ и смерти только Господь Богъ воленъ, вовсемъ Его святая воля. Коли мы обязаны здѣсь свои животы положить, такъ Онъ, Батюшка Творецъ Небесный, о нашихъ животишкахъ, что дома въ деревнѣ оставлены, Своимъ Промысломъ позаботится...

— Это-то я знаю! А вотъ повидать захотѣлось.

— И увидишь, если Господь Богъ сподобитъ.

Солдаты медленно расходились.

Такъ-же медленно брели въ свои фанзы офицеры.

— Странно, — говорилъ молодой поручикъ своему товарищу,—вотъ мы идемъ съ тобою ночью по улицѣ какой-то глухой деревушки. Тамъ, слышишь, вдали, въ поляхъ лаютъ одичалыя собаки... Что мы? Ничто! завтра, быть можетъ, насъ не будетъ. За что? Странно!

— Я ничего не нахожу страннаго,—отвѣтилъ ему товарищъ.—Я вѣрю лишь въ то, что мы съ тобой—маленькія колесики въ механизмѣ, который ведетъ насъ всѣхъ къ тому, чтобы въ недалекомъ будущемъ обратить Нагасаки въ Ялту Дальняго Востока, какъ это мы сдѣлали съ настоящей крымской Ялтой, послѣ долгихъ, но упорныхъ боевъ.

— Давай Богъ! — послышалось въ отвѣтъ.

Тихо было надъ деревней. Темныя тучи низко нависли надъ землей. Природа спала. На душѣ всѣхъ, согрѣтыхъ молитвой, было хорошо, спокойно и свѣтло.

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Въ Манчжуріи. На желѣзной дорогѣ, въ ожиданіи нападенія. (Къ рис. на стр. 385.) Спрятавшись подъ мостъ, караулъ ждетъ прохода воинскаго поѣзда. Давно уже солдатики замѣтили за полотномъ желѣзной дороги шайку хунхузовъ, рыскающихъ по снѣговымъ равнинамъ и ожидающихъ также прохода поѣзда, чтобы напасть на него. Хунхузы и не подозрѣваютъ, что они выслѣжены, и дерзко приближаются почти къ самому желѣзнодорожному полотну, и дикими криками выражаютъ свою радость, что имъ удастся сдѣлать крушеніе. Но это едва-ли можетъ случиться. Солдаты зорко слѣдятъ за врагомъ и готовы отразить нападеніе. Шашки отточены, винтовки заряжены и горе ждетъ желтолицыхъ хунхузовъ за ихъ безумный поступокъ. Пойдетъ поѣздъ и сотни пуль хунхузскихъ полетятъ въ него; вотъ въ это-то время и начнется стрѣльба нашихъ охранителей желѣзной дороги, которые своими выстрѣлами отразятъ ожидаемое нападеніе, и поѣздъ благополучно прослѣдуетъ. Много-ли останется въ живыхъ отъ шайки хунхузовъ сказать, трудно, но можно предположить, что небольшой отрядъ русскихъ положитъ ихъ порядочно, а остальные въ паническомъ ужасѣ скроются въ степяхъ.

Лунная ночь на морѣ. (Къ рис. на стр. 391.) Ясная, свѣтлая ночь спустилась надъ моремъ. Кудрявыя облака быстро-быстро бѣгутъ по небу, то затемняя яркій мѣсяцъ, то давая просторъ его серебристымъ лучамъ покупаться въ тихой глади соннаго моря. Шепчетъ море, шепчетъ свои пѣсни и прибрежнымъ скаламъ и лучу блестящаго мѣсяца. Чутко внимаютъ и тѣ и другіе задумчивымъ сагамъ соннаго моря, а то горитъ и переливается своимъ фосфорическимъ блескомъ и дышитъ своею мягкою грудью, на которой тихо качаются рыбачьи лодки, освѣщенныя серебристыми лучами луны. Мягко и ласково обливаетъ луна своимъ свѣтомъ прибрежные камни и полуопущенные паруса рыбачьихъ лодокъ, а сонная тишь невидимо разлита повсюду и только рокотъ прибоя нарушаетъ эту тишину, тишину лунной ночи на морѣ.

Ночь. (Къ рис. на стр. 393.) Тихая ночь надвигается надъ землею, идетъ съ міріадами звѣздъ на потемнѣвшемъ небѣ, блестящая и лучезарная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, закрытая темнымъ плащемъ. Широкимъ покровомъ раскидывается темный плащъ ночи, застилаетъ небо, на его темномъ фонѣ ярче вспыхиваютъ блестящія звѣзды, румяная заря горитъ своимъ золотистымъ свѣтомъ и гаснетъ, скрывая свое розовое лицо въ складкахъ темнаго плаща гордо шествующей ночи. Но не долго царить ночи надъ землей. Вонъ съ востока встаетъ лучезарное свѣтило. Брызнули первые лучи и красавица-ночь торопится скрыться, исчезнуть отъ яркаго солнца, чтобы къ вечеру снова, накинувъ плащъ, въ сопровожденіи звѣздъ появиться на небосклонѣ.

На завалинкѣ. (Къ рис. на стр. 399.) Солнышко пригрѣло. Снѣгъ стаялъ и, отдохнувши подъ покровомъ зимы, земля снова вздохнула полною грудью и украсилась зеленью луговъ и разноцвѣтнымъ ковромъ цвѣтовъ. Занесенныя снѣгомъ избушки теперь вылѣзли на свѣтъ Божій, завалинки около избушекъ высохли и на нихъ появилась дѣтвора. Рада она и ясному солнышку, и теплому дню, и тому бодрящему воздуху, который тихимъ вѣтеркомъ доносится съ далекихъ полей и изъ распустившейся зелени лѣсовъ. Хорошо чувствуетъ себя раннею весною деревенская дѣтвора. Вотъ дѣвочка съ маленькимъ братишкой на рукахъ выползла на свѣтъ Божій, усѣлась на завалинкѣ, покормила его кашей и крикнула куръ, чтобы угостить ихъ остатками. Издалека прибѣжали несушки, вмѣстѣ со своимъ коноводомъ-пѣтухомъ, и быстро подбираютъ разбросанныя зерна. Громко кричитъ пѣтухъ, кудахчутъ куры, веселымъ смѣхомъ заливается малютка, сидящій на рукахъ у своей сестренки, которая также довольна и съ улыбкой смотритъ на пѣтуха, гордо поднявшаго голову и заглядывающаго въ чашку съ кашей. А кругомъ солнце, весеннее ясное солнце съ его тепломъ и свѣтомъ послѣ холодной зимы.

Шествіе царя Іоанна Васильевича Грознаго съ супругою Анастасіею пѣшкомъ на богомолье. (Рис. на стр. 401.) Русскіе цари всегда отличались религіозностью и часто, по обѣту, а иногда изъ желанія показать свое усердіе Господу Богу, отправлялись на богомолье въ ближайшіе монастыри пѣшкомъ. Особенно излюбленнымъ монастыремъ для московскихъ царей была Троицко-Сергіевская лавра, расположенная въ 60 верстахъ отъ Москвы. Въ эту обитель чаще, чѣмъ куда-либо, приходили цари, чтобы поклониться мощамъ св. Сергія Радонежскаго. На рисункѣ, помѣщенномъ на страницѣ 401 настоящаго номера, читатели найдутъ сцену изъ пѣшаго путешествія Грознаго царя вмѣстѣ со своею первою супругой Анастасіей. Медленно подвигается царскій кортежъ по снѣговой дорогѣ; далекій еще путь предстоитъ пройти ему, но всѣ—и царь, и царица, и ихъ провожатые—полны энтузіазма и мѣрно, не уставая, подвигаются къ желанной цѣли, къ монастырю. Вотъ и придорожный крестъ, съ иконой Спасителя, отъ этого креста теперь уже недалеко и до Троицы-Сергія. Вечеретъ, но всѣ идущіе увѣрены, что засвѣтло еще попадутъ къ воротамъ обители, гдѣ ихъ ждетъ игуменъ съ братіей и теплые покои монастырскихъ келій.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Кик. А. Каспари.

Д-ра Шиндлеръ-Барнай
„Марiенбадскiя Редукцiонныя Пилюли“
противъ
ОЖИРѢНІЯ
и отличное слабительное средство.
Настоящая упаковка 60 пилюль
въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ. Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

ПЕРУИН останавливая
ВЫПАДЕНІЕ ВОЛОСЪ и уничтожая перхоть, является особенно драгоцѣннымъ для женщинъ, которыхъ
РОСКОШНЫЕ ВОЛОСЫ
УКРАШАЮТЪ, а отсутствіе волосъ и перхоть безображиваютъ.
Продается вездѣ по 1 р. 75 к. фл.
Базаръ Маронъ, Спб. Невскій 20, кв. 9.

Leichner's Fettpuder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Цѣна: коробка 1 рубль. Пудра для дня и вечера, незамѣтная на кожѣ, косметическое средство для улучшенія красоты кожи. Театральная гримировка. Жирныя румяна и бѣлила.
Карандаши для бровей.
Имѣются во всѣхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ поставщикъ бельгійскихъ импер. театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: СПБ. ТЕХНО-Химическ. Лабораторія, С.-Петербургъ, Литовская 123. 774

CONSTIPATION
PILULES DE
CASCARA
MIDY Midy
ФРАНЦУЗСКОЕ ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО ОТЪ ОБЫЧН. ЗАПОРА
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ болей къ желудкѣ, ни тошноты.

НЕСТЛЕ
ВъРоссіи исключительно въ запаянныхъ жестянкахъ
Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

№ 4711 КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
ИЗЪ ОРѢХОВАГО ЭКСТРАКТА.
придаетъ волосамъ, будь они сѣдые или рыжіе, въ скоромъ времени желаемый цвѣтъ отъ самаго свѣтлорусаго до чернаго и можно поэтому возобновить утерянный природный цвѣтъ ихъ. Чѣмъ чаще эта краска употребляется, тѣмъ темнѣе будутъ волосы. № 4711 Краска для волосъ изъ орѣховаго экстракта вполнѣ заслуживаетъ предпочтенія передъ всѣми существующими красильными средствами для волосъ, такъ какъ она не содержитъ никакихъ вредныхъ веществъ.
ЦВѢТОВЪ: ЧЕРНАГО, КОРИЧНЕВАГО, ШАТЕНЪ и СВѢТЛАГО.
Цѣна малаго флакона 1 р. 20 к, большаго » 2 » — »
Продается во всѣхъ лучш. магазинахъ.
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ
Кельнъ н/Рейнѣ отдѣл. въ Ригѣ.
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСК. ВЕЛИЧЕСТВА.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

1865. Москва. 1870. С.-Петербургъ. 1882. Москва. 1896. Нижн.-Новгор.
ТОВАРИЩЕСТВО
РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
УЧРЕЖДЕННОЕ ВЪ **1860** ГОДУ,
просить при покупкѣ **РЕЗИНОВЫХЪ ГАЛОШЪ** обращать вниманіе на клейма на подошвахъ:

въ особенности на годъ учрежденія Товарищества „1860“, и на слово „С.-Петербургъ“ въ красномъ треугольникѣ (фабричное клеймо)
ТЕХНИЧЕСКІЕ, ХИРУРГИЧЕСКІЕ И РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ;
РЕЗИНОВЫЯ ИГРУШКИ; РЕЗИНОВЫЯ ЭКИПАЖНЫЯ ШИНЫ.

Сканировал rediktorer
rutracker.org